

ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ

Валерий Гуминский

НАЙДЕНЬШ СТОЛКНОВЕНИЕ СТИХИЙ

Фэнтези-магия

Валерий Гуминский

Найденыйш. Столкновение стихий

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гуминский В. М.

Найденыш. Столкновение стихий / В. М. Гуминский —
«Издательство АСТ», 2021 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-137052-7

Никита переезжает из Албазина в Петербург, где ему предстоит учиться в Военной академии, чтобы закрепить навыки магического искусства и получить звание офицера. Но занятие артефакторикой привлекает его гораздо сильнее, чем служба в армии. После долгих и мучительных размышлений Никита понял, что хочет связать свою жизнь с Тамарой и готов пойти на сближение с Меньшиковыми. И в этом ему помогает родной дед, у которого свои планы на молодого наследника.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-137052-7

© Гуминский В. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	39
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валерий Гуминский

Найденыш. Столкновение стихий

© Валерий Гуминский, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Год 2009

Часть первая

Глава первая

Такси, замедляя ход, плавно вынырнуло из-под желто-красного шатра осенней аллеи и остановилось неподалеку от забора, перекрывавшего путь асфальтовой дороге. Дальше шла частная территория, огражденная этим самым забором. Кованая решетчатая преграда тянулась в обе стороны, оплетаемая кустарником, вьюном и дикой виноградной лозой. Сами массивные ворота в два с лишним метра высотой были закрыты.

Никита рассчитался с водителем хрустящей ассигнацией и отпустил его обратно в город. Уезжать отсюда в ближайшие дни он не планировал. С жадным любопытством поглядел на герб Назаровых, представляющий собой варяжскую форму щита. Тот был однотонного светло-зеленого цвета с рубином в обрамлении золотой свастики посередине. Точно такой же родовой знак висел на шее молодого человека в виде кулона. Герб, хорошо видно, недавно обновили. Краска сияла чистотой, а металлические части искрились эмалью. Ворота тоже выкрашены, только черным заводским лаком. На верхних столбах-опорах торчат две камеры. Свежая асфальтовая дорога для транспорта ведет к особняку. Для пешеходов сбоку тянется дорожка, выложенная ребристой плиткой. Вокруг ни души. А взгляд цепляется за идеальную чистоту и пустоту на территории поместья. Побитая первыми осенними заморозками трава тщательно проглажена граблями, проплешины засыпаны свежим речным песком.

Никита осмотрелся и нашел на левом столбе кнопку вызова. Надавил на нее и встал так, чтобы следящий за камерами человек мог видеть его лицо. Внезапно замок щелкнул, створки ворот дрогнули и начали отходить в сторону. Где-то зажужжали сервоприводы. Усмехнувшись, он протиснулся между створками, не дожидаясь, когда они окончательно разойдутся, и пошел по дорожке в сторону двухэтажного особняка. Невольно замедлил шаг, с возрастающим волнением озираясь вокруг. Ведь это было его родовое гнездо, в котором жила мама, куда он сам вернулся из далекого странствия. Да, Никита себя считал настоящим путешественником, уже забывшим, как выглядит родной дом.

Он уже подходил к парадному крыльцу особняка, пережившего недавно капитальный ремонт фасадной части, когда навстречу ему высыпало несколько человек. Это были две женщины среднего возраста в форменной одежде горничных, молодая девушка с подносом, на котором стояла хрустальная чарка с водкой и аппетитной горкой высился свежеиспеченный каравай с солонкой; рядом с ними топтался прижатый старостью к земле седой мужчина. Он с волнением и жадным любопытством смотрел на приближающегося Никиту и сжимал в руках клюку. Девушка со вспыхнувшим румянцем на щеках шагнула навстречу гостю и сделала легкий поклон.

– Добро пожаловать домой, молодой барин! – певуче произнесла она. – Изволь хлеб-соль!

Никита с удовольствием посмотрел на миловидное личико девушки, на ее конопатый носик и выбеленные солнцем волосы. Сбросив дорожную сумку на землю, он протянул руку к рюмке и глубоко вздохнул. Водку он пробовал лишь однажды, еще с Елисеевым и Костей Краусе, и не сказать, что напиток пришелся ему по душе. Но традиция требовала жертв. Опрокинув в себя стопку, сделал усилие, чтобы не морщиться, отломил от пышного каравая кусок, макнул в соль. Закуска не ахти, но помогла справиться с огненным валом в пищеводе. Женщины утирали слезы, но ничего не говорили. Старик подошел ближе, цапнул Никиту за рукав куртки.

– Ну, вот и дождался нового хозяина, – просипел он и неожиданно приложился к левой руке Никиты сухими губами. Никита ошеломленно смотрел на его плешивую макушку и с трудом сообразил, что с ним разговаривает Сашка – верный управляющий прадеда.

– Где он? – раздался громовой голос с крыльца.

Женщины разошлись в стороны, и Никита увидел патриарха. Вживую тот производил впечатление мощного, волевого человека, пустившего корни глубоко в землю, и никакие бури и катаклизмы не могли поколебать его и склонить набок. Лицо испещрено морщинами, гладко выбритый волевой подбородок придает окончательную несокрушимость. Человек-скала. Уверенно спустившись, он отодвинул Сашку в сторону, обхватил Никиту за плечи, внимательно посмотрел в его глаза. Молчание затянулось.

– В мать, – выдал свой вердикт патриарх. – Наша кровь. Здравствуй, сынок. Добро пожаловать домой.

Он притянул к себе Никиту и крепко обнял его; что-то подозрительно защипало в глазах парня, грозясь вылиться соленой слезой. Хотелось разрыдаться и смочить дорожную ткань пиджака деда, но сдержаться было необходимо. Потом, без лишних свидетелей его слабости...

– Ну, все, все, – дед прекрасно читал эмоции юноши и не стал усугублять ситуацию. Голос его погрубел. – Давай я тебя познакомлю. Алена – служащая по контракту, – он тыкнул пальцем в улыбающуюся девушку. – Мои-то старушки уже не успевают за хозяйством, приходится подстраховываться.

Он усмехнулся, глядя на двух женщин. Те нисколько не обиделись, а одна из них кокетливо произнесла:

– Скажете тоже, Анатолий Архипович, – старухи! Да мы еще Аленке фору дадим!

– Ага. Это Лизавета, – тут же указующий перст переместился на говорливую женщину. – Она здесь старшая по дому. А рядом стоит и глазки строит – Мария. Главная по кухне. Сашку ты, наверное, признал?

– Догадался, – честно ответил Никита. – У тебя такое огромное поместье, а людей раздва и обчелся. Нехорошо.

Старший Назаров захохотал и похлопал Никиту по спине.

– Пошли в дом, сынок! Вот теперь и будешь сам решать, что делать с родовым гнездом. Стройся, расширяйся, укрепляй безопасность рода, набирай штат своих людей. А я отхожу в сторону. Буду на рыбалку ездить с Сашкой.

– Не рановато ли? – вежливо поинтересовался Никита, поднимаясь по лестнице. Свою сумку он не доверил никому, так и нес в руке. Остальные, чуть задержавшись, двинулись следом.

– Самое то. Закончим все формальности – вот тогда и почувствуешь, каково быть хозяином этого обветшалого добра.

Несмотря на кажущуюся несокрушимость, старший Назаров ступал тяжело, и лестничное путешествие сразу сказалось на его дыхании. Остановившись перед распахнутыми дверями, он жестом показал, что позволяет Никите первому переступить порог дома. Маленькая хитрость, которая давала ему возможность не терять бодрость духа перед внуком, показать, насколько еще старик крепок. Никита сделал вид, что не обратил внимания на его заминку. Его интересовало другое. Родовое гнездо словно специально подготовили к возвращению желанного птенца. Новый паркетный пол, блестящие белизной стены, чисто вымытые окна, большие горшки с цветущей зеленью, лестница на второй этаж застелена бордовым ковром. Тяжелые габардиновые шторы аккуратно сдвинуты в сторону и связаны хитрыми бантиками понизу, чтобы не распускались. Солнце освещало гостиную, где большой стол уже был уставлен тарелками, судками, фужерами. К нему и повел старик Никиту.

К удовольствию парня, за стол сели все, кто встречал молодого хозяина, кроме Алены. Девушка никуда не ушла, а только занялась раскладкой первого блюда по глубоким тарелкам:

наваристой стерляжьей ухи со свежим укропчиком. Дед разлил из графина водку по рюмкам, а Никита плеснул вина в бокал Алены. Ему нравилось, что дед удостоил внимания не только правнука, но и прислугу, тем самым давая понять, кому теперь вручены бразды правления. Все должны привыкнуть друг к другу, оценить степень доверия.

Впрочем, все прошло довольно хорошо. Патриарх произнес проникновенный тост про возрождение рода и выразил надежду, что именно с этого дня начнет цвести новый отросток старого дерева. Довольно витиевато, но мило. Старик был меланхоличен, прислуга отбросила скованность, но долго за хозяйским столом не сидела. Доверие доверием, но меру знали все. Никита с сожалением проводил взглядом Аленку, которая бросилась выполнять свои обязанности. Он бы не отказался от ее присутствия до конца трапезы. Как бы хорошо себя ни чувствовал Никита, но застолье с дедом навевало скуку. Он ждал момента, когда патриарх начнет вводить его в курс дела. Да и просто поговорить хотелось.

Анатолий Архипович чувствовал нетерпение парня и, усмехаясь в усы, которые он не подверг тотальному сбриванию, предложил наконец прогуляться по парку. День был хороший, и сидеть в четырех стенах при лишнем ушах ему не нравилось.

Они медленно прогуливались по дорожкам березовой аллеи, и патриарх наставлял наследника:

– С работниками не веди себя фамильярно. Ты хозяин, твои пожелания, прихоти – в разумных пределах, конечно, – и приказания должны выполняться беспрекословно и в точности до запятой. Иначе прослывешь человеком, не выполняющим свое слово. Никаких хихи. С девушкой не балуй так откровенно. Я же видел, как ты пялился на Аленку. Не переступай ту грань, когда из хозяина можешь превратиться в зависимого от простой девки человека. Даже волхвом можно манипулировать. Ну, а если приспичит – Алена знает, зачем она здесь. Понимаю, дело молодое, организм требует разрядки, особенно с твоей силой. Энергия такого характера выжигает ауру похлеще магического удара противника.

– Дед... – густо покраснел Никита. – Да ладно тебе...

– Не «ладно», – проворчал Анатолий Архипович. – Дурное семя в башку стукнет – перестанешь все правильно воспринимать. Ну, если сможешь перетерпеть и не свалиться в блуд – молодец. С обретением статуса вокруг тебя такие птички из аристократических гнезд запорхают – еще и выбирать будешь.

– Сплошные «не», – усмехнулся Никита, постепенно приходя в себя от откровенности деда. Они как раз проходили мимо фонтана, в чаше которого плавали желтые листья и отсвечивали лучи солнца, бросая блики на парапет и лица прогуливавшихся людей.

– Увы, но это так, – подтвердил старик. – Необходимый минимум для неопытного мальчишки, заполучившего в руки стабильное и мощное хозяйство. Я сберег для тебя поместье, деньги, предприятия. Пока ты будешь учиться в Академии, я присмотрю за домом. Но с женитьбой тебе не стоит тянуть. Хозяйка нужна крепкая, соображающая. И от неправильных решений отговорит. Ладно, опять зарделся, маков цвет...

– Я не буду поступать в Академию, – отрезал Никита, полагая, что дед завел речь о Коллегии иерархов.

Анатолий Архипович внимательно посмотрел на правнука.

– Почему?

– Слишком настойчиво меня туда тянут. Не люблю, когда начинают давить и угрожать. Решил идти в Военную академию Генштаба. Есть договоренность между иерархами и великим князем Константином. Меньшиков берет покровительство надо мной, пока я буду учиться в ВВА, и обещал отпускать меня, если Коллегия захочет пообщаться. Господин Токарев получил уже рекомендации от великого князя и разрешил провести вступительные экзамены.

Старик внимательно посмотрел на Никиту, даже чересчур внимательно, словно хотел понять, правильно ли поступает внук.

– Я не имел в виду Академию иерархов, кстати. Но в ВВА ты опоздал. Набор туда закончен, – пожал плечами Назаров-старший. – Ты не переживай, у нас есть несколько дней. Я уже решил этот вопрос. Сначала официальное вступление в наследство. Съездим в Вологду, соберем вместе местных иерархов, пригласим в юридическую компанию, где лежат все документы. А потом под своей настоящей фамилией поедешь в Петербург. Считаю, что финансовая составляющая не должна довлеть над тобой. Доступ к своим счетам ты получишь, не сомневайся, и можешь пользоваться ими по своему разумению. Если есть страх неумения владеть крупным капиталом, найду тебе управляющего. У меня на примете находится парочка хороших финансистов, преданных не хуже домашних псов.

Патриарх бросил взгляд на Никиту. В профиль он удивительно напоминал Валюшку в молодости. Мягкий подбородок с округленными чертами, аккуратный нос, даже мочки ушей похожи – слегка вытянуты, глаза с таким же упрямым выражением... Почти ничего от человека, чье семя дало жизнь мальчишке. Удивительное везение. Анатолий Архипович до сих пор не мог простить ему трусости. Ведь никто не мешал прийти и смело попросить руки внучки. Да, патриарх долго орал бы, доведя Валюшку до слез, но рано или поздно, прояви несостоявшийся муженек силу воли, он сдался бы. Разве не хотел Назаров для единственной наследницы лучшей доли? А вот как все получилось. Взбрыкнула, проявила назаровский характер и покинула отчий дом. Себе на горе.

– Какое у меня состояние? – помолчав, спросил Никита. Деньги для него были важны в контексте будущего дела. Сейчас он не собирался сорить ими. Пусть лежат. Финансы любят тишину.

– Хорошее состояние, – улыбнулся старший Назаров. – В рублевом эквиваленте не менее трех миллионов. Но это лишь на карманные расходы в течение пяти лет, пока ты овладеваешь военной профессией. В ценных металлах – золото, платина, серебро и драгоценные камни – на конец прошлого года капитал составил в фунтах стерлингов, франках, марках и немного в долларах... около ста миллионов. Валюты, Никита. А еще акции, но их немного. Я основной держатель всех оставшихся предприятий. Неликвид сбросил псам барона Китсера, пусть подавятся. Я ведь богач, но по сравнению с теми же Меньшиковыми, Балахниными или Карповичами – голь перекатная.

– Так уж и голь? – усмехнулся Никита. – Откуда такие суммы?

– Часть продукции «Гранита» продаю за рубеж с соизволения Экспортного бюро. Очень приличный товар, хорошо берут. Плюс к этому мануфактура. Игра на бирже.

– «Изумруд» не отдал?

– Откуда про него знаешь? – полюбопытствовал старик. – Изучил досье по открытой Сети?

– Да, интересовался, – признался парень. Он нарочито сбавил шаг, чтобы патриарху было легче вести беседу и не задыхаться во время ходьбы. – Но не понял, чем конкретно занимается корпорация.

– Я никому не отдам мое детище, – твердо заявил Анатолий Архипович. – Оно выстрададено мною. За него пришлось рисковать жизнью, разыскивая архивы Китсера в Кашгаре. Хочешь знать, чем занимаются специалисты «Изумруда»? Официальный реестр: разработка электронных компонентов для военной техники, магических шифровальных плат для правительственной связи и прочих вещей, требуемых для армии, флота и авиации. Это на поверхности. Корпорация считается частной компанией и имеет заказы от Генштаба на оснащение вооружения качественными и дешевыми компонентами, завязанными на магии. Я не делаю оружие. Я изобретаю то, что защищает нашего русского солдата. И все это на мои деньги. Ни копейки не просил у Меньшиковых.

Патриарх остановился перед скамеечкой и жестом показал, что хочет присесть.

– Как раз на солнышке погреюсь, если не возражаешь, – сказал он. – Зима скоро, вот так просто на улицу не выглянешь.

– Конечно, дед, сядем, – не стал спорить Никита. Ему-то тем более торопиться некуда.

– На самом деле «Гранит» – это отвлекающий маневр, ловушка для иностранных агентов, вынюхивающих, что же там изобретают коварные русские маги. Пусть там рыщут, а «Изумруд» – недостижимая для них высота. Именно в «Изумруде» ведутся разработки, и уже давно, техники для поиска порталов в другие миры и в прошлое нашей истории. Не криви губы в улыбке. Эта моя прихоть основана на дневниках Александра Китсера. Я нашел его в Кашгаре и успел с ним плотно пообщаться. Старик, казалось, выжил из ума, но это была лишь ширма для наивных простачков. Он предоставил мне кое-какие теоретические выкладки, гипотезы, свои мысли. Портал можно найти с помощью магических кристаллов, сконцентрированных в строгой последовательности в нужном месте – вот его гипотеза. Можно сколь угодно ерничать: где это место, сколько кристаллов надо и как его вообще обнаружить? Но еще он сказал, что, владея нужными артефактами, можно смоделировать свое будущее. Не в точной последовательности, конечно, а в некой матричной вселенной.

Улыбка медленно сползла с лица Никиты. Сердце гулко бухнуло в груди и начало накачивать адреналином кровь. То, что сейчас говорил патриарх, никакая не гипотеза, а самая настоящая реальность. Точнее, псевдореальность. Выходит, этот Китсер не был безумцем! Говорить или не стоит про свое путешествие под воздействием «радуги»? Пожалуй, нет. Иначе старик привяжет его к дому, вызовет своих ученых и начнет экспериментировать на родном правнуке. Никита не идеализировал старика. Тот еще волк. Нет, он просто испугается за жизнь наследника. Один прием «радуги» еще не давал никаких фактов, но регулярное его применение может дать негативные последствия.

– Ты что-то знаешь про такую теорию? – невозмутимо спросил Назаров-старший, уловив всплеск эмоционального фона и мгновенно побагровевшую ауру. Совсем не умеет скрывать свои чувства мальчишка.

– Слышал, – слукавил Никита. Потом исправился: – Читал в Сети. Не так уж и много об этом феномене пишут. Одни домыслы и пустые теории, обсмеянные иерархами.

– Ну и пусть себе смеются, лишь бы не совали нос в разработки, – хмыкнул Анатолий Архипович. – Большой шум поднялся в Кабинете императора по поводу какой-то «радуги». По слухам – это то, что я думаю? Может ли кристалл наркотика смоделировать будущее?

– Нет, я бы не стал так категорически рассуждать, – выдохнул Никита. – Здесь, скорее, воздействие наркотика на мозг самое прямое. Он раздражает какие-то участки и проецирует их в красочные видения.

– Да и нехай проецирует, – вдруг благодушно махнул рукой старик. – Лучше поговорим о твоём будущем, реальном и наступающем. Значит, великий князь Константин берет тебя под опеку?

– Не сам он, – почему-то смутился Никита. – Представитель князя Меньшикова передал мне лично его повеление. По приезде в столицу меня встретят и пристроят.

– Вот как, – патриарх тщательно сгладил в голосе удовлетворение. Не изменил своему слову князь, пока держит данное обещание. Что ж, хорошо. Думаю, тебе стоит ему довериться, как бы странно ни звучали мои слова.

Старик Назаров не стал рассказывать мальчишке о договоренности между ним и великим князем. Он слишком хорошо представлял себе опасность откровенного разговора. Кровь молодая, горячая, сразу забурлит, и наделает Никита таких глупостей, о которых потом будет сожалеть всю оставшуюся жизнь. Сначала надо исподволь подвести его к мысли о необходимости укрепить свой тыл. А без жены, без надежной крепкой семейной связи и верной команды можно за пару лет опуститься до уровня нищего в последних штанах. Скучная аксиома, которая бесит молодых. Увы, но к осознанию своих ошибок они приходят с язвой желудка, издер-

ганными нервами и желанием пустить в свою глупую голову пулю. Не все, не все! Излишняя драматургия была присуща патриарху, и он привык обобщать некоторые мысли, круто расписывая их, не жалея красок, особенно черных.

Крепкий тыл с великим князем в арьергарде не впечатлил старшего Назарова. Меньшиков рано или поздно закопает свое слово в отхожем месте, и чем быстрее уйдет на тот свет патриарх, тем быстрее он начнет зажимать Никиту. Умирать в ближайшие пять-шесть лет Анатолий Архипович не собирался. Разыгрывая перед глупцами свою немощь, он чувствовал себя прекрасно. Да, ноги стали плохо слушаться, трудно сгибаться, прочие стариковские прелести – но не они влияют на продолжительность жизни. Окрепнет Никита, возьмет в свои руки всю мощь семейного капитала, тогда – да. Можно будет и на вечный покой удалиться.

– Они тоже могут чему-нибудь научить, – усмехнулся Анатолий Архипович. – Я не буду давить на тебя. Делай то, что сердце велит. Свою силу ты обуздал, но распоряжаться ею все равно придется. Врагов хватает... Ладно, сынок, пойдем домой. Я распорядился выделить для тебя хорошую комнату. Она большая, светлая. Там есть все, что душа желает, для молодого человека. Компьютер с выходом во внешнюю Сеть, телевидение, игры. Ванная комната там же. Библиотека находится на первом этаже в левом крыле. Книги я хорошие собрал, можешь изучать, если захочешь.

– Дед, а почему у тебя нет охраны? – задал волнующий его вопрос Никита. – Когда я приехал, кроме автоматических ворот, не заметил ничего обнадеживающего. Кто, кстати, открывал?

– Это Сашка, – засмеялся старик. – Я научил его смотреть в монитор, нажимать на нужные кнопки. Он хоть и на ладан дышит, но глаза не потеряли зоркость. Ты не переживай. Скоро здесь будет охрана. Я нанял надежных ребят.

– Потайники? – догадался Никита.

– Они самые. И одного из них ты хорошо знаешь.

– Олег, – радостно заулыбался парень. – Это здорово.

– Там, – махнул рукой в сторону ворот патриарх, – планирую поставить КПП с системой видеонаблюдения, с магической защитой по периметру и прочие прелести. Я за свою жизнь не боюсь, но нам важно отыграть несколько лет в паре, Никитка. Понимаешь меня?

– Я и сам хотел попросить тебя об этом, – Никита приобнял старика. Он вернулся домой. В настоящее родовое гнездо.

Никита с замиранием сердца смотрел на небольшую фотографию в золоченой рамке. Красивая девушка с ласковой улыбкой словно хотела сказать ему что-то, но тонкая стеклянная поверхность не давала этой возможности. Он прислонил пальцы к снимку и почему-то успокоился. Здесь мама была совсем юной, в возрасте Тамары; дед, наверное, отыскал ее раннюю фотографию и сделал сюрприз. Пусть она всегда будет рядом.

В дверь постучали. Никита крикнул, чтобы заходили. В комнату сунулся конопатый нос Аленки.

– Можно? – с непонятной тревогой спросила она.

– Заходи, что так осторожничаешь? – засмеялся Никита и сел в кресло.

– Меня тетя Лиза послала узнать, не нужно ли чего?

– Нет, не надо. Спасибо, все хорошо устроено, я доволен. Да заходи ты, не стесняйся.

Алена смущенно зарыла руки в передник, который был надет на темно-синее платье, и бочком зашла в комнату. Посмотрела по сторонам, заговорщицки сказала:

– Мне Анатолий Архипович запретил без нужды заходить к вам.

– Эй, давай на «ты»! – запротестовал Никита. – Ты даже старше меня, да? Сколько тебе? Извини, что нетактично спрашиваю...

– Ой, да ладно. Девятнадцать. Нанялась по протекции тети Лизы. Она с моей мамой знакома, вот и посодействовала. Господин Назаров набирал штат. Повезло.

– А ты сама с Вологды?

– Ага, местная. Хочу подзаработать немного и в педагогический поступать.

– Учить любишь?

– Просто здесь легче для простолюдинов поступить, чем в крупных городах. Меньше клановых... Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – махнул рукой Никита. – Ладно, будем дружить, да? Чего так испугалась? Я ничего дурного не имел в виду. Просто хочу, чтобы между нами возникло взаимопонимание.

Он помнил слова деда, что Алена находится в этом доме не только как обычная горничная и помощница для старших женщин. И девушка понимала неловкость ситуации, то краснела, то бледнела прямо на глазах. Кивая головой, как бы давая понять, что она согласна со словами Никиты, Алена все-таки опасалась, как себя поведет молодой хозяин. Наверное, тетки Лиза и Мария напели ей на уши, что все барчуки – наглые, самодовольные хамы, распускающие руки по каждому поводу, дай им только возможность. Но тогда зачем нанимать молодую неиспорченную девчонку в дом, где живет такой же молодой парень? Или старик специально провоцировал Никиту, проверяя какие-то свои версии? Прав был юноша – патриарх не потерял волчью хватку, в голове у него сплошные комбинации. Страшный человек.

Никита, стоя возле окна, засунул руки в карманы брюк и пристально вглядывался с помощью магического зрения в ауру Алены. Полыхающая бирюзовыми всплесками и подкрашенная желто-алыми каплями, полевая структура девушки деформировалась в районе левой груди и ползла нехорошими грязно-коричневыми щупальцами к сердцу. Видимо, Алена прочитала в глазах парня нечто такое, что с испугом спросила:

– Что не так, Никита?

– А как у тебя со здоровьем? – неожиданно для девушки спросил он, обхватив подбородок ладонью. Фраза была двусмысленной, но Никита не заморачивался. – Ни на что не жалуюсь, проблем не было?

– Зачем ты спрашиваешь об этом? – густо покраснела Алена и вдруг захотела уйти. Разговор перестал ей нравиться.

– Хочу проверить свое предположение.

– Ты что-то разглядел с помощью дара?

Алена привалилась к стене. На ее лице боролось желание рассказать и явный запрет на вторжение чужого человека в личную жизнь. Но, переборов себя, она прерывистым голосом сказала:

– У меня с детства порок сердца. Местные знахари ничего не могут сделать. Говорят, не хватает квалификации и возможностей. Что-то по мелочам купируют, поддерживают работу органов, но на большее не способны.

– А почему к знахарям обращаетесь? – удивился Никита. – Есть же лекари-волхвы, они устранили бы дефекты сосудов, гипоксию или что там еще способствует хроническому кислородному голоду, влияющему на работу организма.

– Никита, на услуги такого специалиста нужны большие деньги, – вздохнула девушка. – Откуда они в моей семье? Нет их. Комплексное лечение – это не наговор на травах...

– Ну да, прости меня, не подумал. Ты знаешь, я мог бы дать тебе необходимую сумму, только такая благотворительность не в моих правилах. Садись на стул и расслабься.

– Что? – растерялась Алена.

– И глухая к тому же, – улыбнулся Никита. Пришлось встать, пододвинуть стул к девушке и насильно посадить ее, словно задеревеневшую от неожиданности.

Что ж, придется кое-что вспомнить из лекций Оленьки. Порок сердца может быть врожденным, а может появиться как осложнение после болезни. В первом случае придется тяжело. Нужно отыскать проблему, надеясь на собственную интуицию и на специально созданные для сканирования организма «амебы». Пока он размышлял, руки автоматически выпускали меди-

цинских помощников, пусть и не таких совершенных, как у профессиональных врачей, но тоже чего-то стоящих.

– Чем в детстве болела? – спросил он.

– Перенесла ангину, – тихо откликнулась Алена. – Тяжело болела, температурила. Еле на ноги подняли.

– Угу, все ясно, – буркнул Никита. – Осложнение на фоне болезни. Уже легче. Для меня, конечно! У тебя видна проблема: один из сердечных сосудов гипертрофирован и не дает крови свободно перемещаться. Его обнаружить несложно, если применять методику полного осмотра при помощи нужных средств. Сейчас я так и делаю. Вижу тебя как раскрытую книгу.

– Всю? – зарделась девушка, сцепив руки на коленях.

– Нет, – засмеялся Никита. – Только внутренние органы. Не пугайся. Все везде хорошо, кроме одной штучки. Сосуд, будь он не ладен. Немудрено, что доморожденные знахари не обнаружили проблему. Я уберу уплотнения со стенок сосуда, подчищу некоторые проблемные места, работающие как плотины. В данном случае они нам не нужны...

Никита словно вошел в транс, руководя работой маленьких помощников. Для него не существовало ни Алены, ни деда, даже ни одной мысли о Тамаре. Полностью отключившись от обыденности, он чистил, сжигал, убирал, раздвигал, освежал потоки, щедро делясь своей силой. Он был похож на генератор, пытавшийся запитать электричеством погруженное в темноту огромное здание. Только вместо электричества по невидимым проводам летели токи магии.

Его руки неосознанно скользнули по заманчивым и упругим бугоркам, обтянутым платьем, и в этот момент Никита словно выскочил из воды, ощущая нехватку кислорода. Алена, полыхнувшая было от гнева и отчаяния, что барин в первый же день позволяет себе такие вольности, вскинула голову и увидела бледное, покрытое испариной лицо, застывшее в каменной неподвижности, и аккуратно убрала его руки со своей груди. Стыд вперемешку со злостью медленно уступал место сопереживанию.

– Что-нибудь случилось? – с надеждой спросила она, решив не поднимать деликатную тему.

– Получилось, – хрипло произнес Никита, обрушиваясь на постель задом. – Принеси мне большую кружку сладкого чая. Очень сладкого. И все.

– А... – открыла было рот девушка.

– Говорю же – все. Я сэкономил ваш семейный бюджет на долгие годы. Надеюсь. Но показаться специалисту необходимо. Это будет стоить дешевле, чем проводить операцию. Я-то кустарь.

– Спасибо, – прошептала потрясенная Алена. На негнущихся ногах она подошла к двери и снова замерла.

– Иди же, – поторопил ее Никита. – А то в самом деле старик узнает, что нарушаешь порядок – место потеряешь.

– Я мигом!

За окном угасал день, отбрасывая на пол и стены желтые полосы заходящего солнца. От окна потянуло холодком. Никита полулежал на кровати, опершись спиной на подушку, и медленно потягивал сладкий чай. Алена постаралась. Глюкозы для организма хватит с избытком.

Он думал, что дом, несмотря на косметический ремонт, не смог обрести молодость, как и уходящий мир деда. Он доживал свои дни, словно чуя большие перемены, исходящие от энергетического поля Никиты Назарова. Ощущая себя небывало богатым, можно пофантазировать, что он сделает в первую очередь: новый дом. Хороший, большой дом, в котором будет много детей. Никита не даст им пройти тот же путь, по которому шагал сейчас сам. У них

будут и мать, и отец, а лучшая защита состоять из верных и преданных людей. Значит, надо набирать свою команду, не оглядываясь на патриарха.

Глава вторая

– Согласно основному завещательному письму все движимое и недвижимое имущество Назарова Анатолия Архиповича, владельца усадьбы «Боярская», владельца частных корпораций «Изумруд» и «Гранит», тонкосуконной мануфактуры «Белозерское» и прочих мелких мануфактур, после его смерти переходит в полное и безвозвратное пользование Назарову Никите Анатольевичу.

Никита, сидевший в глубоком уютном кресле нотариальной конторы, удивленно вскинул голову. Он впервые услышал, что отчество у него совпадает с именем деда. Сам же Назаров-старший, даже не моргнув глазом, спокойно слушал монотонную речь адвоката, обхватив руками набалдашник трости, которую взял ради солидности, как он сам объяснил Никите, а вовсе не из-за немоги своих ног. За столом, кроме двух представителей конторы и патриарха, откровенно скучал иерарх вологодского отделения Коллегии, специально приглашенный для заверения некоторых деталей завещания. Анатолий Архипович по секрету шепнул Никите по дороге в Вологду, что специально решил помучить местных волхвов. Они одно время пили у него кровь, когда патриарх пробивал некоторые наработки для своей зарождавшейся корпорации. Ведь любое изобретение, завязанное на магии, обязано пройти сертификацию, и неважно, где оно будет применяться – в армии, на флоте или еще в какой сфере жизнедеятельности.

– Я на них зуб имею, – пояснил довольный патриарх. – Они даже не верили, что у меня есть наследник. Исходя из этой ситуации, я сдавал кровь на хранение в различные места. По моей просьбе сегодня в контору завезут все необходимые документы, позволяющие признать тебя прямым наследником.

– Тогда мне тоже придется сдать кровь, – сказал Никита.

– Вот сейчас этим и займемся. Заедем в отделение Коллегии, сдадим экспресс-анализ, чтобы не было воплей про подтасовку, прямо при них.

Все необходимые мероприятия закончили до обеда, после чего собрались в конторе для оглашения завещания и подтверждения статуса Никиты Назарова. Генетический анализ подтвердил, что молодой человек на самом деле является близким родственником Анатолия Архиповича. Но больше всего патриарху понравилось потрясение, которое испытали проверявшие правнука сотрудники Коллегии. Еще бы! Кровь под прицелом электронных микроскопов и по реакции специфических реактивов показала чудовищный переизбыток магических составляющих, и даже при распаде на мельчайшие молекулы каждая из них несла заряд силы.

– Он – стяжатель! – гордо заявил патриарх ошеломленной комиссии. – Если вы, конечно, правильно понимаете значение этого слова.

– В Коллегии знают об этом? – спросил Анатолия Архиповича один из иерархов, пожилой уже мужчина, но по возрасту годившийся Назарову только в сыновья.

– Коллегия иерархов осведомлена о моем правнуке, – вздернул голову старик. – Никита дал отказ от обучения в данной Академии и поступает в военное училище. Это я говорю для вас, господа. Не вздумайте учинять препятствия парню. Все решено на высшем уровне.

– Прискорбно, – поджал губы второй член комиссии, – такой шанс для раскрытия полного потенциала. Впрочем, мы не имеем никаких полномочий, уважаемый Анатолий Архипович, и не настаиваем.

– Вот и хорошо, – пристукнул тростью Назаров. – Ждем вас в адвокатской конторе «Сахновский и братья» в два часа дня. Там и решим все вопросы.

Монотонный голос, читающий завещательное письмо, едва не усыплял, и Никита всеми силами боролся, чтобы глаза не слипались сами собой. Дед слушал внимательно, кивая в такт словам, произносимым поверенным. Когда чтение закончилось, один из конторских развернул папку с договорами в сторону Никиты и сказал:

– Молодой человек, вы можете расписаться, тем самым закрепляя все вышесказанное своим согласием.

Никита вскочил и подошел к столу. Текст, видимо, был составлен заранее, потому что был отпечатан на красивой гербовой бумаге со множеством завитушек-рописей, одна из которых принадлежала патриарху.

– Нам известно, что вы росли сиротой и опеку над вами брал Анатолий Архипович Назаров. Также с учетом незнания имени вашего отца господин Назаров под свою ответственность дал вам отчество по своему имени. Вы согласны с этим решением или же есть возражения?

Блин! Как же он сразу-то не догадался? Ну конечно же, Никита Анатольевич! А как еще, если папаша куда-то сгинул, а мама просто не смогла передать никому его имени. Сжав зубы, Никита поставил свою подпись.

– С этого момента ваш статус дворянина подтвержден, и вы имеете полные привилегии, данные его императорским величеством Александром Михайловичем, – снова забубнил поверенный. – Все банковские счета, открытые на ваше имя, теперь полностью в вашем же распоряжении, но пользоваться вы ими сможете только по наступлении совершеннолетия, то есть не раньше второго января десятого года.

Никита кивнул. Дед ему уже растолковал нюансы и пообещал нужную сумму для проживания в Петербурге выделить частично наличными и немного положить на индивидуальную банковскую карту. А потом он станет хозяином своего добра.

На выходе из конторы их окликнул представитель Коллегии. Патриарх с недовольным видом сжал трость и холодно осведомился, что нужно от них.

– Я бы хотел все же поговорить с молодым человеком, – вологодский иерарх внимательно посмотрел на Никиту. – Может, удастся убедить его пересмотреть свои планы.

– Ты хочешь? – дед с подначкой посмотрел на Никиту.

Тот пожал плечами, еще не привыкший отшивать назойливых посетителей. Казалось неудобным отказывать пожилому человеку. Приняв колебания молодого человека как сигнал к действию, иерарх пошел в атаку.

– Обучение в Академии дает неплохой старт в будущее. Ты будешь освобожден от службы в армии, за исключением военного времени; в твоём распоряжении появится лаборатория, так как ты – прикладник, и тебе нужно помещение для опытов. Штат, оклад, привилегии – разве все это не привлекает? Ты еще молод, но с такими данными есть все возможности для профессионального роста. В перспективе – место в Коллегии. Согласись, оно того стоит.

– Да, заманчиво, – кивнул Никита, сделав вид, что задумался. Впрочем, не стоит мучить человека. – Но я уже давно решил, что пойду по военной линии. Боевой маг-прикладник. Через несколько дней у меня экзамен в ВВА. Вынужден отказать.

– Полагаю, влияние старших родственников сыграло свою роль? – иерарх мазнул недовольным взглядом патриарха.

– В нашем роду многие служили, – возразил Никита. – Я же не чувствую необходимости сидеть в четырех стенах. Не мое это.

Иерарх поджал губы, кивнул на прощание и прошествовал мимо Назаровых к своей машине, ожидавшей его неподалеку от конторы. Анатолий Архипович коротко хохотнул и деловито застучал тростью по тротуару.

– Что-то я в последнее время стал часто ходить, – пробурчал он. – Сплошные разъезды, встречи. Думал, угомонился на старости лет, ан нет. Как думаешь, Никитка, стоит ли авто приобрести?

– Зачем? – засмеялся Никита. – Проводишь меня в столицу и снова засядешь в норе. Лишние расходы на содержание.

– Так для тебя, – лукаво посмотрел на него патриарх. – Ведь это твоё поместье. Понимаю, что с выбором военной стези ты себе большую шишку на заднице заработал. Служба будет отнимать много времени, но все равно...

– Хорошо, я подумаю. Но не сейчас.

– Когда решил уезжать? – Они неспешно дошли до угла улицы, и патриарх махнул рукой, останавливая пустой кабриолет частного извозчика.

Никита ответил, когда сели на заднее сиденье такси:

– Через два дня. Я уже билет на поезд заказал.

– Шустрый ты, весь в мать, – печально сказал патриарх, огорченный тем обстоятельством, что Никита не погостит в доме. С другой стороны – что ему делать в неуютном старческом месте, где, кроме самого хозяина и колченогого Сашки, никого не осталось? Стоит ли тогда растрачиваться на охрану и строительство? И сам же себя оборвал: стоит. Теперь, когда за его спиной маячит реальный наследник, обязательно появятся последователи Китсеров. Если не сам опальный барон, которому сейчас нужно свою шкуру спасать, то есть и другие. Увы, после беседы с князем Константином Назаров понял, что сам великий князь находится в положении между молотом и наковальней. Существуют какие-то силы, использующие его в интригах против императора. И против брата не попрешь. Не из-за этого ли он добивается расположения Никиты? Перетягивая мальчишку в свой род, он обеспечивает его безопасность сильным волхвом. Разумно. Так бы и патриарх поступил. Значит, пусть едет. Чем быстрее – тем лучше. Освоится, осмотрится, глядишь, на самом деле женится на дочери Меньшикова. Не зря же он бросал намеки Никитке в день приезда. Сообразит, не тугодум.

– Почему? Чем я похож?

– Тоже никого не спрашивала. Захотела – сделала. Неразумной была в иных моментах, но со своим характером.

– Да ладно, дед, не расстраивайся, – Никите стало жаль старика, понуро смотрящего в спину водителю. – Я буду приезжать проводить. Честно.

– Угу, будешь. В столице соблазнов много, не отпустит тебя Петербург, – со знанием дела пробурчал Назаров.

Они доехали до поместья, расплатились с водителем кабриолета. Никита своим глазам не поверил. Ворота были распахнуты настежь, на территории усадьбы рычал и пускал вонючие клубы дыма небольшой экскаватор, роя котлован в нескольких метрах от входа. Тут же стоял самосвал, в чей кузов ковш сбрасывал землю. Зияющая яма, следы гусениц на пожелтевшем травяном ковре, суетящиеся рабочие, сколачивающие из толстых досок какую-то конструкцию – все это создавало нереальную сутолоку в патриархальной тиши поместья.

Увидев хозяев дома, к ним поспешил кругленький, похожий на колобок мужчина в синем комбинезоне и в каске. В руке он держал рулетку и на ходу засовывал карандаш за ухо.

– День добрый! – постарался он перекричать рев экскаватора. – Кто из вас господин Назаров? Я Стаценко, прораб.

– Говори! – разрешил патриарх, опираясь на трость. Все-таки заказ на строительные работы делал он, и смету согласовывал тоже.

– Значит, сегодня мы сколотим опалубку и зальем фундамент. Но основные работы начнем через два дня. Кирпич подвезут завтра. Делаем помещение три на четыре, все верно?

– Да, правильно. План у тебя?

– Вот он. Все верно?

Прораб вытащил из кармашка свернутую в гармошку бумагу и развернул ее. Патриарх вместе с ним склонились над планом и пару минут что-то уточняли. Никита не стал дожидаться деда и пошел домой собирать вещи. В коридоре ему встретилась Алена и заулыбалась.

– Привет, красавица! Как самочувствие? – спросил Никита, быстро окидывая взглядом ее ауру. А ведь действительно лучше стало. Коричневая клякса стала меньше, но самое главное

– ее щупальца словно обрезало, и теперь в районе левой груди пульсировала ярко-зеленое пятно. Это хорошо.

– Я сегодня крепко спала! – заявила девушка. – Обычно раза три просыпаюсь за ночь. Трудно дышать становится, паника накрывает. Спасибо вам, Никита Анатольевич!

– Пустяки! – махнул рукой Никита, не обращая внимания на официальное обращение. Если считает, что так и нужно – пусть. Обычная человеческая благодарность.

День прощания выдался настоящим осенним, пасмурным и слезливым. Порывистый ветер рвал остатки листвы на деревьях, нависающие над головами серые тучи казались какими-то грязными и неухоженными, словно их извозили на пыльном небесном чердаке. Редкие капли дождя срывались вниз, грозясь пролиться полноценным ливнем. Молодого хозяина вышли провожать все жители усадьбы, кутаясь в плащи и куртки. Никита крепко обнял деда, потом пришла очередь старого Сашки, тетки Лизы и Марии, которые расцеловали его, а потом пришла очередь Аленки. Нисколько не смущаясь старшего Назарова, которому только и осталось крикнуть от удивления и досады, обняла Никиту и громко выпалила:

– Мама просила поцеловать тебя за помощь! Она очень и очень благодарит тебя!

И приникла к его губам своими, полными и сочными. Женщины встревоженно засмеялись, а патриарх даже покраснел от недопонимания. Его намеки девушка поняла неправильно – на всеобщее обозрение выставлять чувства он ее не настраивал.

– Что это такое, Аленка? – рыкнул он.

– Дед, не ругай девушку, – попросил Никита. – Она потом тебе расскажет, в чем дело. Все, я поехал! Такси ждет! Приеду в Петербург, устроюсь – сразу напишу!

Он закинул сумку в машину, сел сам, помахав на прощанье рукой, и с теплотой мысленно попрощался с домом. Усадьба его приняла – Никита чувствовал мощную энергетику места, его теплоту и спокойное умиротворение.

Глава третья

Таксист попался лихой. Он довез Никиту до городского вокзала за полчаса и пожелал счастливой дороги. Уехал довольный чаевыми. Билет, заказанный заранее, пришлось получать в резервной кассе, которая как раз функционировала для таких случаев. Путешествовать придется через Москву, но в купейном вагоне, со всеми удобствами. Душ, телевидение, кондиционер, два спальных места. Кормежка, чай по заказу.

До прибытия и посадки оставалось около полчаса, и Никита с любопытством стал прохаживаться по вокзальному помещению. Видимо, недавно здесь прошел ремонт, так как по разным темным углам и возле дверей в различные подсобки стояли ведра с известью, какие-то бочки, метлы, швабры. Центральный зал уже был залит ярким электрическим светом, отражаясь от белизны гипсовой лепнины, кафеля, хромированных барьеров. Большое электронное табло показывало всю информацию по движению поездов.

Уже испытывая нетерпение, он с трудом дождался, когда объявят посадку, и тут же с шумной толпой людей поспешил на перрон. На выходе зацепился плечом с неказистым пожилым мужичком в коротком дождевом плаще и с дурацкой фетровой шляпой на голове. Блеснув стеклами очков, мужичок ничего не сказал, только виновато улыбнулся на извинение Никиты, цепко схватившись за ручку плоского кейса.

Усатый проводник в форменной одежде, по которой скатывались капельки дождя – он все-таки пошел, лениво поливая крыши вагонов, перрон, людей, – шустро проверил посадочные талоны. А мужчина с кейсом, оказывается, ехал вместе с Никитой в одном вагоне. Только у Никиты было третье купе, а у мужичка – седьмое. И Никита наконец-то обосновался на своем месте. Ему повезло. Как только поезд тронулся, в купе так никто и не зашел. Можно спокойно ехать одному.

Закинул сумку с вещами на багажную полку, а пакет со снедью, которую ему насобирали женщины, аккуратно поставил на столик. Пусть стоит. Есть пока не хочется. Вышел в коридор и стал смотреть в окно, за которым нахохлившаяся природа отдавала последние краски осени, облекая под проливным дождем. Мимо прошел усатый проводник, вдруг остановился и обратился к парню:

– Сударь, не желаете ли чаю? Если хотите, в купе есть панель заказов. Просто наберите согласно ассортименту, и бегать никуда не надо.

– Спасибо, – удивился Никита, почему-то не обративший внимания на такую приятную мелочь. – Учту.

Суэта в вагоне постепенно улеглась, а Никита продолжал смотреть в окно. Ему нравилось движение, мягкий перестук колес и легкий запах угля, доносившийся от пытящего кипятком титана. Мимо него прошли двое мужчин в наглухо застегнутых кожаных куртках. Один из них словно невзначай задел плечом Никиту и даже не обернулся. Они никуда не торопились, замедляя шаги возле каждой закрытой двери, словно были в раздумье, заходить или нет в гости. Потом скрылись в тамбуре. Невзрачные типы, такие в толпе ничем не выделяются. Встречался уже Никита с такими ребятами. И энергетика их внушает серьезные опасения. Они напряжены, аура настолько перегрета негативом, что наводит на определенные мысли.

Никита специально засек время, чтобы проверить, когда вернется странная парочка. Через полчаса они прошли в обратном направлении, снова повторяя манипуляции с замедлением шагов возле каждого купе. Один из них кинул взгляд на Никиту. Лицо худощавое, блеклое, не за что зацепиться. Разве что губы тонкие, сжаты в прямую линию. В толпе встретишь – не узнаешь. Но взгляд цепкий, оценивающий. А еще Никита заметил, что его напарник постоянно держит обе руки в карманах и при замедлении шага прикрывает глаза. Они явно что-

то или кого-то искали. Наибольший интерес проявляли к тому купе, где закрылся неказистый мужичок с кейсом.

От второго незнакомца в кожаной куртке шел ощутимый магический фон. Какой-то артефакт прячет, подумал Никита, пропуская странную парочку. Зашел в свое купе, вытащил из пакета еду и решил подкрепиться. Усиливающееся беспокойство разожгло аппетит. Нашел то самое устройство для заказа чая, быстро в нем разобрался. Набираешь на панели свои пожелания и после нажатия кнопки ждешь свой заказ. Усатый проводник появился через пять минут, неся в руке стакан с горячим чаем в массивном подстаканнике.

– Спасибо, – поблагодарил Никита. – Скажите, пожалуйста, в мое купе еще кто-нибудь сядет?

– Обычно еще в Вологде вагоны такого типа полны, – охотно пояснил проводник. – Но сегодня довольно странная тишина. Четыре купе заполнены наполовину, один пассажир выкупил для себя полностью седьмое купе. К вам будет подселение в Ярославле.

Проводник кивнул и попросил обращаться, если возникнут какие-нибудь вопросы. Никита задумался. Седьмое купе. Там сидит мужичок с кейсом. А не его ли ищет мрачная парочка? Предупредить или не стоит? Под кажущейся благонадежностью и кротостью может скрываться человек с нехорошим прошлым. Вот Хазарин – наглядный пример. Служил своим хозяевам, и никто ни слухом ни духом не знал, какие темные планы вынашивал волхв. По отрывочным сведениям, которыми поделились с Никитой следователи из Петербурга, продаться Хазарин решил давно, когда только повышал свой ранг с пятого до восьмого. Но истинную причину не знал никто. Для полноты картины нужно было брать Ломакина под белы ручки и проводить ментальное расследование. Сам он ничего бы не сказал. Мужик крепкий.

Забравшись с ногами на мягкий плюшевый диван, Никита слепил парочку сигнальных каракатиц и выпустил их в коридор. Пусть висят. Если появятся ребята в кожанках, на которых он успел зацепить «шпионов», сигналки сработают. Дюже интересно, что задумали незнакомцы. Судя по всему, скоро наведаются в гости к обладателю кейса. Последние события заставили Никиту быть осторожным и бдительным в отношении всех странностей, происходивших вокруг него. Вполне вероятно, что интрига с двумя путешественниками по вагонам никак не связана с ним лично, но загадочный сосед попадает в неприятную ситуацию.

Никита попробовал размышлять. Если сосед везет с собой крупную партию алмазов или контрабандных магических артефактов вроде «радуги», а его пасут незнакомцы для полной конфискации товара – что они могут предпринять? До Ярославля осталось немного. Еще часа полтора-два с промежуточной остановкой на какой-то невзрачной станции. Значит, постараются вломиться в гости, чтобы скрыться в неизвестном направлении.

За окном сгустились осенние сумерки. Никита включил верхнее освещение и попробовал почитать журнал, который обнаружил на багажной полке. Кто-то сдуру закинул чтиво наверх – не понравилось, наверное. Писк «шпионов» он ждал, и все равно сигнал прозвучал настолько неожиданно, что Никита подскочил как ошпаренный. Перейдя на магическое зрение, сразу увидел свои «каракатицы», плывшие следом за двумя растекавшимися пятнами. Гости прибыли. Как и предполагалось, остановились возле купе с одиноким мужичком. Никита приник к двери. Надо бы еще звуковой маячок закинуть, не догадался. Что они будут делать? Ого, пробуют открыть дверь! Долго копошатся, собираются с духом. А если хозяин купе не спит и, как только гости распахнут дверь, нашпигует их свинцом? Зачем-то он нужен странным ребятам? Только нужно ли лезть в это дело?

Никита вспомнил слова деда, что порода у Назаровых такая – толкать нос во все дыры и получить от судьбы по голове. И ничего с этим не поделаешь. Однажды небеса подарили шило в задницу, вот оно и беспокоит, шутил патриарх. Может, он и прав. Это шило сейчас свербело и требовало действий. Осторожно нажал на ручку, так же тихо открыл дверь и выглянул наружу. В коридоре никого не было. Горят плафоны, отражаясь в хrome ручек, зеркаль-

ных рамок и обшитых красными лаковыми панелями потолков, мерно стучат колеса. Никита подошел к седьмому купе и прислушался. Нет, так не пойдет. Не слышно ничего. Надо запустить «слухача». Вот, теперь нормально. Можно отойти подальше. Угрызений совести Никита не чувствовал. Ему не нравились эти типы, разгуливавшие по вагону.

Мотор, тот самый мужчина с тонкой полоской губ, постучал костяшками пальцев в дверь и дождался разрешающего ответа, после чего откинул ее в сторону. Прогрел на полозьях, полотно отъехало, и двое мужчин зашли в купе. Невзрачный пассажир с удивлением взглянул на гостей и осторожно заметил:

– Я вас не знаю, господа. Вы, наверное, ошиблись.

– Нет, что вы, сударь, – Мотор нахально зашел внутрь, а его верный подельник Окунь бочком прошмыгнул следом, закрыв дверь на защелку замка.

Гости сели напротив пассажира в мятом костюме, уже забывшем хорошие времена, и стали молча созерцать друг друга.

– Господин Ласточкин? – на всякий случай уточнил Мотор, распахивая куртку, чтобы продемонстрировать пистолет, засунутый под ремень. Как бы нечаянно...

– Он самый, – осторожность в глазах пассажира сменилась тревогой. Он сделал движение ногой, задвигая кейс, стоявший прямо под столом, дальше в угол. Окунь заметил этот финт и осклабился. – А вы кто будете? Может, назовете свои имена?

– Наши имена ничего не скажут, а вот Лобан просил передать привет, если встретим тебя, Шут.

Пассажир, которого называли Шутом, вытаращил глаза и с запинкой проговорил:

– А вы уверены, молодые люди, что обратились по адресу? Моя фамилия Ласточкин. Мартын Иванович. Про какого шута вы мне сейчас здесь пытаетесь напомнить?

– Да про тебя, Шут, про кого еще, – хмыкнул Мотор. – Мы же тебя давно ждем. Шепнула нам кукушка, что с Казани едешь с хорошим товаром, вот и жаждали встречи. Лобан очень хочет знать, когда долг будешь отдавать?

– Послушайте... – мужичок вытащил из кармана платок и промокнул шею. Он сильно потел от волнения. – Я совершенно не понимаю ваших претензий, так же как и не знаю Лобана. Кто он такой вообще? Ваш хозяин? В какой сфере работаете?

– Точно, шут, – Молот посмотрел на Окуня. – Лобан предупреждал, что лепить начнет про «ничего не знаю». Знакомая песня.

– Ага, – шмыгнул носом Окунь, не отводя взгляда от кейса, задвигаемого все дальше и дальше.

– Попрошу покинуть купе, иначе вызову проводника с дружинниками, – пригрозил Ласточкин. Его рука потянулась к кнопке вызова, торчавшей на боковой панели межоконного простенка.

– Руки отдернул назад, – предупредил Окунь, показывая свой пистолет. Черный зрачок ствола словно заморозил хозяина купе, и он медленно откинулся спиной на переборку. – Вот так и сиди. Давай сюда свой чемодан.

– Не имеете права, – прошептал Ласточкин. – Это мои личные вещи.

– Если личные – так чего потеешь? – Мотор закивал, подбадривая хозяина кейса. – Посмотрим. Если Лобан оказался неправ – извинимся и уйдем.

– Это неприемлемо, – упорствовал Ласточкин. – Это просто грабеж среди белого дня.

– Уже вечер, дядя, – шутливо гыкнул Окунь. – Ложи чемодан на стол и открывай его. Только без шуток.

Мужичок с трясущимися руками вытащил кейс из-под ног, положил его и, не отрывая взгляда от Мотора, стал нащупывать замки. Взгляд его на мгновение стал змеино-острым, но незванные гости не увидели опасной перемены. Они впились в крышку кейса, которая нарочито

медленно распаивалась, и наконец обнажила содержимое. Мотор и Окунь одновременно присвистнули. И вдруг в дверь громко застучали. Ласточкин мгновенно захлопнул крышку кейса.

– Да! – воскликнул он с облегчением.

Окунь спрятал пистолет и щелкнул замком. Дверь распаивалась.

– Можно? – в проем заглянула голова молодого парня с короткой стрижкой.

– Тебе чего, цуцки? – удивился Мотор и вдруг напрягся. Он вспомнил, что этот хорошо развитый физически паренек все время торчал в проходе вагона. Вроде как в окно смотрел, интересовался пейзажами.

– Извините, титан сломался, чай будет позже, – брякнул Никита, входя в купе и плотно закрывая дверь. Снова замок на защелку. Быстро оглядел сидевших.

– О чем ты, дурила? – засмеялся Окунь, еще ничего не понимая. – Дергай отсюда, не мешай взрослым дядям разговаривать.

– Они вам угрожают, сударь? – Никита был спокоен, готовый в любое мгновение использовать руну «сон». Впрочем, он уже просчитал противника. Оба вооружены, но слабы в контактом бою и в закрытом помещении.

– Ааа... – проблеял Ласточкин, совершенно сбитый с толку. Он цепко ухватился за ручку кейса и подтянул к себе на уровне груди. – Я чаю не просил.

– Я знаю, – Никита улыбнулся. – Я слышал, что они угрожали вам. Отъем личных вещей у граждан карается законом, господа. Попрошу вас выйти из купе и вообще покинуть поезд, иначе вызову линейных дружинников и казаков.

– Ты почему такой правильный, малец? – заскрипел зубами Мотор. Приближалась станция, на которой им нужно было сходиться с захваченным товаром. Плотные прозрачные мешочки с необработанными алмазами, пластиковые тубусы с набитыми туда золотыми монетами, и два плотных пакета с «радугой» – состояние, за которое Лобан их грохнет, если не получит товар. Почти на шестьсот тысяч инвалюты! И этот правильный хлопец сунул нос куда не следует! Вальнуть его и Шута – и ходом с поезда. Станция через десять минут. Пассажиров не хватятся как минимум до Ярославля. Трупы найдут, когда он и Окунь будут далеко.

– Сударь, я вызываю дружинников? – внимательно посмотрел на мокрого Ласточкина Никита. Судя по подслушанному разговору – тоже странный тип. Бандиты не полезут просто так к обычному человеку столь наглым образом. А здесь пахнет отъемом какого-то важного груза, возможно, того, что спрятан в кейсе.

– Нет-нет, юноша, не стоит! – торопливо вскрикнул мужичок, но глаза его, недобро поблескивая, косились на Мотора и Окуня. Те полностью переключились на мальчишку.

– Хватит! – Мотор внезапно вскочил, зло скрипнув зубами. Рука его нырнула под куртку и выхватила пистолет с коротким набалдашником глушителя. Он не собирался делать последнее предупреждение или уговаривать покинуть купе. Операция по изъятию груза затягивалась из-за этого глупого щенка, сунувшего нос куда не следует? Ой ли? Так ли все на самом деле? Может, это сопровождение Шута?

Озарение пришло слишком поздно. Никиты уже не было на линии стрельбы, а Окунь заваливался с вывернутой челюстью на диван. Какой-то вихрь подхватил Мотора и бросил того в самый дальний угол, прямо на подельника. Ударившись головой о простенок, Мотор попытался сразу вскочить, но словно кирпич прилетел ему в ухо. Он отключился.

Никита подобрал оба пистолета и с интересом посмотрел на них. Обычные отечественные девятимиллиметровые «скаты», выпускаемые для гражданского населения. В ближнем бою самое действенное оружие. А вот глушители самопальные, какие-то умельцы сумели сделать под короткий ствол такой же короткий цилиндр, да еще с пламегасителем.

Со стуком положил оружие на столик и повторил:

– Может, вызвать полицию?

– Нет, – Ласточкин перевел дух, ошеломленный увиденным. Мальчишка, пусть крепко сбитый и физически развитый, но все же мальчишка, за несколько секунд уgomонил мужиков. Одного – коротким махом ноги в челюсть, а второго, который поопаснее – тычком ладони в голову. Пожалуй, долго не очнутся. – Лучше я сам выйду на ближайшей станции. А потом можете поднимать кипиш, молодой человек.

Никита усмехнулся. Так он и думал. Непростой мужичок оказался.

– Не хочется сталкиваться с законом? – он присел на диван, откинув ногу Окуня в сторону.

– Вы правы, не хочу.

– Хорошо. Я смогу при даче показаний ссылаться на вас? Дескать, хотел зайти в гости, а тут два неподвижных типа.

– Делайте, что хотите, – улыбнулся Ласточкин. – Только зря вы влезли в чужое дело. Ой, зря.

– Почему? Контрабанда?

Кивок в сторону кейса.

– Скажите, юноша, вы настолько наивны или зело циничны? – Шут встал и накинуд на себя плащ. Поезд стал замедлять ход.

– Я любопытен. Но не настолько, чтобы играть с законом или сотрудничать с ним на неравных условиях.

– Намек понятен, – усмехнулся Шут, имевший документы на имя Ласточкина Мартына Ивановича. – Подля-ны от вас ждать не стоит. Всего хорошего. Но вынужден предупредить: ходите осторожно. В чужое дело влезли.

Он вышел из купе со своим кейсом, а Никита подождл несколько минут, пока поезд остановится и снова наберет ход, вышел в коридор. Надо заглянуть к себе. Может, сосед подселлся. Или соседка. Потом придется поднимать кипиш, как сказал этот самый Шут.

Глава четвертая

Петербург оглушил Никиту. Он впервые попал в суету громадного города и, пройдя пропускной терминал, остановился на большой площади, примыкавшей к Московскому вокзалу. Озираясь по сторонам, обратил взгляд на часовую башню, возвышавшуюся над зданием железнодорожной станции. Пока внимательно изучал циферблат и стрелки, толпы пассажиров обтекали его со всех сторон, изредка толкая баулами, чемоданами, сумками. Приятный женский голос из разнесенных по разным углам здания динамиков вещал о прибытии или отходе очередного поезда и другую информацию.

Растерянн оглянувшись по сторонам, он, не ожидая от себя такой робости, сделал пару шагов по направлению к стояночному карману, где плотными рядами стояли кабриолеты-такси с невозмутимыми водителями, высматривавшими прибывших гостей столицы. Таких можно было сразу вычислить, если брать за образец Никиту Назарова. Юноша находился в мучительном поиске дальнейших действий. Где искать дворец великого князя? В справочном отделе ему, конечно, вежливо ответят, но через пять минут полицейский наряд остановит на улице. А это потеря времени. Доказывай потом, что не собираешься сделать ничего плохого для родственника императорского клана.

От стоянки такси к нему устремились несколько человек, подобно акулам, разрезающим водную гладь черными плавниками. Жертва определена, локализована и должна быть схвачена.

Затруднения Никиты прервал мужской голос за спиной:

– Господин Старицкий? Григорий?

Акулы мгновенно развернулись в обратную сторону. Они-то видели, кто подошел к парню с растерянными глазами. Люди в плащах и костюмах с определенным покроем просто так возле суетных мест не появляются. А Никита не сразу сообразил, что обращаются к нему. Прошное, связанное с чужой фамилией, не хотело отпускать. Он повернул голову. Высоченный крепко сбитый мужчина, пахнувший хорошим парфюмом и гладко выбритый, стоял перед ним в распахнутом кожаном плаще, под которым виднелся добротный серый в полоску пиджак. Мужчина небрежно держал руки в карманах этого самого плаща и с выжидающим спокойствием смотрел на волхва.

– Да, – очнулся Никита. – Это я.

– Следуйте за мной, – сказал незнакомец. – Прошу не отставать. В такой толчее можно запросто потеряться, если не знать, куда идти.

Они успешно лавировали в людском потоке, сначала двигаясь вдоль здания вокзала, а потом, покинув его территорию, направились к парковочной зоне, которая находилась по другую сторону дороги. Три черных автомобиля с хищными тупоносыми бамперами и суженными стеклами фар молчаливо созерцали суету, проносившуюся мимо них. Рядом ни одного человека, ни одной другой машины. Словно невидимая аура угрозы и силы исходила от стояночного кармана. Никита увидел на капотах авто серебристые шильдики в виде герба Меншиковых. Император имел большой герб из золота; выходит, это великий князь прислал своих людей. Никита перевел дух. Константин Михайлович сдержал свое слово, что встретит его по приезду в столицу.

Сопровождавший волхва мужчина открыл заднюю дверь «ладоги-люкс», обшитой изнутри мягким красным плюшем.

– Прошу, не задерживайтесь.

А сам забрал сумку с вещами и закинул ее в багажное отделение.

Никита нырнул в уютное нутро машины и сразу же услышал ироничный голос, исходивший от человека, сидевшего у противоположной двери:

– Неужели нравится путешествовать на поезде? Мы думали, что ты прилетишь на самолете, существенно сократив время, и избавишь нас от необходимости пугать гражданское население своим появлением на вокзале. Кстати, срок экзаменов я не могу перенести еще на декаду. Неправильно поймут. Будем знакомиться? Я Константин Михайлович.

Мужчина протянул руку, и молодой волхв машинально пожал ее, поняв, кто перед ним.

– А я ни разу еще на поездах не катался, – простодушно сознался Никита, – а в Вологду я и так на самолете прилетел. Захотелось вот... Никита Назаров.

– Вот как! Ты уже вернул себе родовое имя? – улыбнулся великий князь, хорошо осведомленный о произошедших изменениях в жизни юноши. Сам патриарх рода связался с ним вчера вечером и скупно объявил, что Никита выехал железнодорожным экспрессом в столицу и прибудет через Москву. Добавил со значительностью, что мальчишка официально получил свою истинную фамилию. Род Назаровых возрожден.

– Да, – Никита чувствовал себя скованно, и Меньшиков хорошо уловил его колебания.

– Можно ехать, ваше высочество? – мужчина, сопровождавший Никиту, сел рядом с водителем, отчего «ладогу» ощутимо качнуло. Настолько тяжел оказался телохранитель великого князя.

– Ладно, не будем тут стоять, на виду у людей, – усмехнулся Меньшиков. – Семен, поехали на Шуваловские дачи. Ты будешь там жить, Никита. Не спорь, не возмущайся и не делай такой оскорбленный вид. Я с твоим дедом имел беседу, и он согласился с моими доводами. Там нормальная квартира, все коммуникации, удобства под боком. Все уже оплачено на год вперед.

– Но... я же собирался поступать в ВВА, а там есть общежитие, казармы, – совсем расстроился парень. Ему не хотелось попадать в полную зависимость князя.

– Что из этого? – пожал плечами князь и взглянул на Никиту. Очень внимательно, словно ощупывал зрачками серых глаз каждую черточку его лица. – Зато будет куда приезжать на выходные или на каникулах. От города совсем недалеко, только выехать на центральную автостраду. Транспортная структура тоже приличная. Хоть на автобусе, хоть на трамвае. Хочешь, могу в аренду автомобиль предоставить?

– Нет! – излишне горячо воскликнул Никита. Это уже был перебор. – Не надо мне машину! Спасибо, конечно, но это сейчас лишнее.

«Ладога» слегка накренилась на повороте, но водитель искусно выровнял ее и нажал на газ. Впереди лежала широкополосная дорога, забитая транспортом. Кортж великого князя шел как по ниточке, держа в середине представительский автомобиль и разрезая, подобно волнолому, густую массу гудящего железа.

– Послушай, Никита, – князь прикоснулся к плечу волхва. – Не подумай, что я хочу тебя купить с потрохами или делаю все это с далеко идущими целями. Я просто выражаю свою благодарность за спасение дочери. Только из-за тебя она сейчас со своей семьей. Так что это малая толика справедливой платы.

«Еще бы, – подумал про себя Никита, – играть жизнью и судьбой своей дочки, наверное, так же привычно, как ты делаешь с другими, даже различий не улавливаешь. А теперь проняло. И все же ты государственный человек, близкий к императору, и тебе положено совершать поступки, идущие вразрез с мнением обывателя. Другие высоты здесь, совсем другие, и оценка этих поступков разнится с моим мнением».

– Я принимаю ваш долг, – ответил Никита и решил сразу очертить тот круг, за которым ему будет проще отсидеться и не поддаваться на соблазны полного обеспечения. От чего бежал – к тому и приткнешься. – Нам стоит договориться, в чем будет состоять помощь помимо аренды квартиры, ваше высочество.

Сказанные слова удивили Меньшикова. Давно в среде аристократов не слышно о принципах выплаты долга за услугу, за жизнь. Древний свод урегулирований канул, казалось, в

историческое забвение и вдруг здесь, в центре делового мегаполиса, неведомым образом родился в виде мальчишки с крепкими плечами и ясными глазами, в которых еще плещется неосознанная им сила и вера в справедливость.

– Конечно, – скрывая смущение, усмехнулся великий князь, – договариваться всегда надо, даже если что-то не нравится. Раз ты отказываешься от автомобиля, я предоставлю его тебе во временное пользование с личным водителем. Вдруг куда-то захочется съездить на выходные. Поверь, здесь для молодежи много развлечений. Не забывай, что ты теперь дворянин. А этот статус подразумевает участие в городских мероприятиях. Скучные светские рауты, фуршеты, прочие никчемные вещи – но они ставят тебя на новый уровень, сближают с людьми твоего ранга и возможностей. Подумай, как важно выглядеть презентабельным. Вот момент, к примеру: у графа К. намечен вечер благотворительности. Ты получаешь приглашение. Отказаться – нанести обиду и потерять доверительные отношения.

– Я понимаю, – Никита слушал внимательно, но смотрел не на князя, а на пролетающие мимо здания с удивительной архитектурой. Старина здесь гармонично соседствовала с новостройками, и от такого симбиоза столица выигрывала в большей степени, чем от сохранения древних зданий как памятников культуры самих по себе. Здесь все дышало жизнью, и Никите нравился этот животворный пульс.

– Хорошо, что понимаешь. А живет граф К., допустим, не в самом Петербурге, а в ста километрах от него в своем загородном поместье. На такси туда поедешь?

– Думаю, такой вариант мне не подойдет, – заулыбался Никита. – Но вы же выбираете невероятный случай.

– Поверь, здесь частенько происходят метаморфозы похлеще той, что я сейчас обрисовал, – Меньшиков откинулся на спинку мягкого сиденья. – В доме ты найдешь мобильный телефон с номером твоего водителя. Будешь ему звонить по мере надобности. Мои распоряжения он уже получил. Я бы, честно, не отказался от машины в личное пользование. Так удобнее.

– Звонить можно в любое время?

– Можешь пользоваться в любое время, – уточнил Константин Михайлович, – а звонок должен быть с предварительной договоренностью. Нельзя вот так сразу сорвать человека с места. Он ведь тоже на службе. Звонок пойдет на коммутатор моего дворца, и водитель будет извещен, когда выехать к тебе.

– А зачем это делается?

– С целью предотвратить злоупотребление служебным положением. Своим людям я доверяю, но ведь у каждого появляется соблазн, хоть раз в жизни...

Какой соблазн может появиться у водителя из кортежа великого князя – Меньшиков объяснять не стал. Незачем знать мальчишке, что любое отклонение от нормы в служебных делах автоматически ставит человека в разряд подозреваемых: встреча с представителем вражеского клана, незаметная для службы безопасности передача оружия или могучих артефактов... Много причин.

Кортеж тем временем свернул с широкополосной автострады, пересек трамвайные линии и теперь ехал мимо новостроек в виде высотных домов с ажурными балкончиками; каждая секция была выложена из кирпича разного цвета, отчего получилось весело и цветасто. Даже осенняя хмарь, казалось, отступала перед брызгами каменного разноцветья. Все здесь было легко и приятно. Небольшие скверы, детские площадки, аккуратные стоянки для автомобилей – радость для глаза. Чем дальше они отъезжали от расписных домов, тем чаще встречались строительные краны. Район продолжал вытягиваться в северо-западном направлении.

– Детище князя Головкина, – усмехнулся Меньшиков. – Он здесь градоначальник. Столько лет убеждал императора расширить городское строительство за счет дешевого жилья для простонародья. Центр столицы задыхается от притока людей. А жить негде. Все в усадьбах, поместьях, земли принадлежат нам, власть имущим...

По характеру разговора Никита понял, что великий князь просто иронизирует, скрывая тем самым неловкость от ситуации, сложившейся в Петербурге, которую сам же и расписал. Отказываться от удобного жилья в самом сердце столицы, где до императора рукой подать, мог только законченный бессребреник. Меньшиков таким не был никогда.

– А здесь красиво, – признался Никита. – И какова стоимость жилья?

– Существуют разные программы, ссуды, кредиты, – пожал плечами князь Константин. – Кто работает, а не страдает приступами ничегонеделанья – тот и живет соответственно... Ага, сейчас проезжаем лесопарковую зону, и за ней сразу же начинаются Шуваловские дачи. Это район так называется. Раньше здесь князь Шувалов свои летние павильоны строил. Потом продал. Надоело, видимо, что народ мало ездит на развлечения. Подождал бы лет сорок-пятьдесят, глядишь – потомки сейчас в золоте ходили бы. Здесь живут купеческие семьи в большинстве своем. Есть и дворяне. Но их не так много. Дома частные...

– Вы же сказали – квартира! – удивился Никита.

– Ошибся, – сокрушенно хлопнул ладонью по своему лбу Меньшиков. – Оговорился, старый пень. Извини, конечно же, дом. Небольшой уютный домик, как раз для молодого парня, живущего здесь наездами.

Прекратив ерничать, великий князь построжел.

– Никаких гулянок, попок, шлюх. Это не обсуждается. Нет, ты можешь приводить друзей, но все должно быть благочинно. Оно как бы есть, но и в то же время ничего нет. Ты же понял?

– Я не такой, – покраснел от досады Никита. Странный какой-то намек на гулящих девок. Единственная девушка, которую бы он не отказался сюда привести, сейчас находилась в глубинах столицы, прекратив все контакты с ним.

– Вижу, – смягчился Меньшиков. – Ты все время порываешься что-то спросить. Говори, пока есть время.

Сколько бы ни закрывал Никита свои эмоции, где-то они прорвали блокаду. А считать ауру для сильного одаренного – что книжку пролистать по диагонали, мгновенно запоминая текст. Все знакомо, неинтересно для человека, искушенного в куда более сложных интригах. Меньшиков ждал этого вопроса и готовился измотать Никиту, подвести его к нужной мысли.

– А что с Тamarой? Как ее здоровье?

Великий князь про себя улыбнулся. Не сдержался малец, хоть и старается играть взрослого человека. Важна ему Тамара, очень важна.

– Ей сейчас лучше. Она проходит амбулаторное наблюдение в клинике. Самый лучший целитель – профессор Маркин – смог вывести из ее организма всю дрянь, которой ее пичкали Хазарин с американцем, – ровным голосом ответил Меньшиков. – Она, кстати, поступила в Экономический университет по специальности «организация и управление крупными корпорациями». Вот не понимаю, зачем она сломала выстроенную схему будущей карьеры!

И Константин Михайлович, не сдержавшись, хлопнул ладонью по мягкой коже дивана.

Никита почувствовал, как в голосе великого князя просквозила досада. Что-то не так пошло в налаженном быте княжеской семьи. Парень не мог знать, какие шторма бушевали в доме Меньшикова после решения Тамары получить экономическое образование. Ничего он пока не знал. И предпочел пока промолчать, не задавая вопросы, а то дураком будет выглядеть.

– Я могу с ней встретиться? – с замиранием сердца спросил Никита.

– Извини, что я тебя расстраиваю, – покачал головой князь Константин. – Тамара сейчас вообще не хочет разговаривать на тему Албазина, и твое появление может воспринять как возвращение тех кошмаров. Понимаю, что толика моей вины тоже присутствует. Но... Пока вам не стоит встречаться. Она знает, что ты должен приехать в Петербург для поступления в ВВА, и искренне рада за тебя. Дай ей немного отдохнуть от произошедшего.

Великий князь намеренно бил в самую чувствительную точку молодого человека. Уязвленное самолюбие – лучший двигатель событий. Пусть сам начнет искать контакты. Сможет? Не разобьет себе лоб об стену, огораживающую Тамару? Вот и посмотрим, на что годится обладатель пяти стихий.

А Никита в это время думал, озадаченный словами Меньшикова.

«Странно. Ведь никаких предпосылок для охлаждения отношений не было. Или так повлияли фармагики? Но почему известие о моем приезде ее не всколыхнуло? Ведь что-то же должно было отразиться в ее эмоциях? Ни письма, ни маленького сообщения. Познакомились случайно – так же легко разбежались? Или Тамара поняла, что их встреча была подстроена на мелких случайностях, возводимых умелой рукой отца, барона Китсера и Ломакина? Меньшиков может что-то недоговаривать. Дед предупреждал Никиту быть осторожным в отношениях с великим князем. Тот еще интриган. А как? Как противопоставить свою волю и желания этому человеку, прожившему большую жизнь и поднаторевшему в интригах и в клановых войнах?»

– Вот мы и приехали, – вывел из задумчивости Никиту голос Константина Михайловича.

Одноэтажный дом, возле которого остановился кортеж, не выглядел вычурным или вызывающе богатым. Но он был большим, с высокими арочными окнами, с крытой зимней верандой, с нарядной темно-бордовой черепичной крышей. Никите понравилось, что двор не просматривался. Уютный заборчик из профильного металлического листа надежно закрывал внутреннее убранство дома. Не нравились ему просматриваемые усадьбы.

Охранник первым делом открыл дверцу машины перед великим князем, а Никита вышел сам. Еще двое могучих парней из эскорта открыли калитку, проверили двор, обошли дом кругом и только потом разрешили заходить остальным. Но внутрь вошли только Меньшиков и Никита. Молодой волхв вертел головой по сторонам с интересом. Неплохо. Уютный сад, много каких-то плодовых деревьев с голыми ветвями, чья листва усыпала весь двор, и кустарники вдоль забора и за домом. В глубине сада проглядывает потемневшей обвязкой из тонких плашек беседка.

Они остановились на крыльце, и великий князь с какой-то торжественностью опустил в подставленную ладонь связку ключей.

– Здесь два комплекта, – многозначительно сказал он. – В дом заходить не буду. Уже был там. Хозяйствуй. Телефон лежит на столе в гостиной. Там номер водителя и куратора, которому ты можешь звонить хоть ночью, если возникнут пожелания или вопросы. Завтра подъедет машина и отвезет тебя в Средние Дубки. Военная академия находится неподалеку от поселка. Там в курсе, что ты должен явиться на экзамены. Приемная комиссия соберется в десять утра. Не проспай.

– Спасибо, ваша светлость!

– Ну, тогда – до скорой встречи! Надеюсь.

Великий князь подал руку Никите, не обращая внимания на субординацию, и,ждавшись рукопожатия, закрепившего их договоренности, развернулся и широким чеканным шагом пошел по дорожке на выход, и через пару минут кортеж, развернувшись на дороге, помчался в обратную сторону.

«Зачем он самолично приехал сюда? – недоумевал Никита. – Тихий район, люди друга хорошо знают, а тут целая колонна машин с великокняжеским гербом. Слишком помпезно и показательно».

Он вставил ключ в замок и провернул его. Внутри сыто щелкнули механизмы, и тяжелая дубовая дверь с фигурными вырезами на полотне тихо распахнулась. На входе сразу же обнаружился выключатель и целая система оповещения и сигнализации, которая была отключена хозяевами дома. Ему она тоже не нужна. Есть помощники получше: сигналки, парализаторы, боевые плетения в виде осьминогов и каракатиц. Замораживаться с электронной системой Никита не хотел. Сбросив сумку на пол, решил осмотреться. Так, что там дальше? Широкая

парадная прихожая с ростовым зеркалом на стене, тумбочка с проводным телефоном, гардероб, паркетный пол поблескивает лаком. Слева открывается вид на гостиную с широкими панорамными окнами, которые плотно зашторены. И что мы там имеем? Телевизор на низкой тумбе, диван, шикарный темно-коричневый ковер перед ним в виде распластанного медведя с поникшей башкой. Сплошной минимализм. Нормально так, зато места хватает. Дальше у нас что? В сумраке у дальней стены выделяются две двери. Никита по очереди открыл их. Ага, спальни, соприкасающиеся друг с другом. Не многовато ли для одного человека? Неопределенно хмыкнув, он пошел обратно в прихожую. Кухня слева, она совмещена с залом поменьше. Круглый стол, стулья с резными спинками, мебель вдоль стены – вроде обеденной зоны получается? Барная стойка служит границей, рассекая эту часть дома пополам. Ладно, с этим понятно. Теперь ванная и туалет. Оказалось, что с этим тоже порядок. Все блещет чистотой. Осталось только заполнить шкафчики своим барахлом. Есть даже стирально-сушильная машинка. В дальнем углу ванной комнаты таинственно поблескивает матовой поверхностью стекол душевая кабина. Здорово. Кто-то здесь хорошо устроился, но предпочел сдавать дом. Интересно, сколько заплатил великий князь за аренду? Не предъявит ли потом особый счет за удобства? Махнув рукой на такие ненужные сейчас заморочки, Никита развесил на веранде сигналки, закрыл дверь на замок, разделся и, покопавшись в сумке, вытащил домашние тапки. Зачем паркет портить ботинками?

У него создалось впечатление, что весь дом претерпел в недавнем прошлом обширное обновление. Вся техника как будто только что из магазина. Даже легкий фабричный запах улавливается. Высокий холодильник бежевого цвета, электроплита, посудомоечная машина – Никита осмотрел ее сверху донизу, – чайник, посуда. Действительно, полное обновление.

Озадаченный увиденным, он открыл холодильник и оторопел. Внутренности были забиты продуктами. К его приезду готовились, что ли? Уставился на упаковку баночного пива. Вообще полный сервис. Н-да. А вот и сок апельсиновый есть. Завтра экзамены, пиво на потом можно оставить.

Никита сделал себе несколько бутербродов, вскипятил чай и перебазировался в гостиную, составив компанию унылому мишке. Поставил поднос на столик и включил телевизор, отрешенно уставившись в светящийся экран.

* * *

В тот злополучный и одновременно насыщенный день Никиту доставили домой на полицейском вертолете, но только после предварительного допроса на месте молодым следователем, уже предупрежденным о молодом незаурядном волхве от директора Департамента полиции. Потайников отпустили тоже, как только выяснили их причастность к освобождению княжны Меньшиковой. Сухо поблагодарили за услугу, и на этом дело и закончилось. Тагир, Арсений и Лиходей тепло попрощались с Никитой и укатили на своем «Вихре». А на парня навалилась такая тоска, что хотелось орать и выть. Он страшно переживал за состояние Тамары, которая перед отлетом опять отключилась, так что пришлось ставить капельницу прямо в вертолете. Отчаянно рассекая лопастями горячий, насыщенный запахом трав воздух, транспорт ушел в Албазин. Девушке было плохо, и с эвакуацией не стали затягивать. Волхв чувствовал наступление некоего перелома в своей жизни, после которого невозможно будет вернуться назад, нельзя будет склеить разломанную конструкцию. Что-то должно произойти.

– Полетишь с нами, – сказал следователь, захлопывая папку, после чего положил ее в черный кожаный портфель. – Только сначала заглянем в Департамент. С тобой хотят поговорить люди из столицы. Очень уж тобой заинтересовались.

Дед Добран, в доме которого албазинский следователь беседовал со всеми участниками спасательной операции, ободряюще подмигнул Никите и обратился к играющему роль строгого чиновника мужчине:

– Ты, сынок, особо не усердствуй. Люди от чистого сердца старались, даже никого не убили и тайгу не сожгли чародейством своим. Вы лучше на Петькин балаган слетайте, заберите супостатов, пока тепленькие.

– Нет смысла, – сухо ответил следователь, которому не понравилось обращение «сынок». – Прошло слишком много времени. Туда уже посылали вертолет с группой захвата, но места для посадки не нашли. Да и сверху было видно, что балаган пуст. Нет там никого. Ушли бандиты.

– Заклятие сна недолгое, – подтвердил Никита. – Его и должно было хватить на то время, чтобы мы успели уйти как можно дальше. Я и не надеялся, что они будут дожидаться полицию.

– Так мне и сказали господа волхвы из группы подполковника Барковского, а столичный маг только подтвердил правильность их анализа ситуации. Впрочем, здесь такие разговоры вести не стоит. Собирайся, парень. Вертушка ждет.

Они прилетели в Албазин к вечеру, и Никита успел увидеть в иллюминатор закатное солнце, раскрасившее кровавыми мазками низкие облака. Завтрашний день обещал быть ветреным, но все равно таким же жарким, как и все предыдущие. Блеснули серебристыми отсветами стекла высотных зданий, шпиль Академии медицины, засверкали бликами золота громоздкие буквы «ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ» на крыше бетонной многооконной коробки. Вертолет взял немного левее, подчиняясь приказу диспетчерской службы воздушных полетов покинуть пределы города, и вскоре сажился неподалеку от автодрома на специальной площадке, где пассажиров ждала машина. Следователь кивком подбородка показал Никите, чтобы тот сажился в нее и не задавал лишних вопросов. Он торопился. Уже внутри пояснил, глядя на парня через зеркало:

– Твоих родственников предупредили, что ты задержишься еще на пару часов. Господин Барышев знает и дает добро на проведение беседы с представителями следственной группы без адвоката или кого-то из близких. Напоминаю, что это не допрос, Старицкий! Не строй из себя знатока законов! Поговорят – отпустят. Сегодня не такая ситуация, чтобы брыкаться.

– Да понял уже, – поморщился Никита от словоохотливости следователя. – А потом до дома довезете?

– Без проблем! – откликнулся водитель, до этого не проронивший ни слова. – Потом меня на стоянке найдешь, я довезу.

Перед таким количеством высокопоставленных чиновников Никите никогда не доводилось стоять. Так называемая беседа превратилась в двухчасовую пытку, в которой каждый из присутствующих пытался выяснить, что же произошло в глухом таежном углу, куда никто и не догадался послать воздушную разведку. А поглядеть было на кого. Помимо директора албазинского Департамента Астапова, остальные приехали как из дальневосточного отделения Коллегии иерархов в составе двух человек, полицейских чинов и контрразведчиков, так и из Петербурга. Столичная команда насчитывала пятерых матерых следователей с генералом Сайдахметовым. Именно он держал в руках нити беседы. Слегка оробевшего Никиту завели в огромный кабинет, обшитый светлыми лакированными ясеновыми панелями, большую часть которого занимал длинный стол, за которым сидели объединенные следственные группы. От обилия знаков различия на погонах, золотых галунов на рукавах, ведомственных значков на лацканах у любого могло сорвать крышу и заклинить язык. Никита внутренне готовился к предстоящему допросу (какая же это беседа?), но не ожидал аншлага.

– Молодой человек, вы садитесь на стульчик в торец стола, наливайте себе водички, если пить хотите, и обстоятельно все расскажите с самого начала вашей дерзкой операции, – добродушно проговорил Сайдулаев, занимавший сейчас место Астапова. Он прекрасно видел, как

пацана колотит от напряжения, и попытался сразу сблизить дистанцию, убрать казенщину из разговора. – Никого не бойтесь. Вас не обвиняют ни в каких преступлениях.

Никита шлепнулся на жесткий стул и, машинально схватив бутылку с минералкой, налил себе полный стакан. В полном молчании сделал пару глотков, но пузырьки колом встали в носоглотке, и он испугался, что сейчас начнет икать от переизбытка газов. Ну его, это питье!

Он стал рассказывать о произошедшем именно с того момента, когда произошло похищение Тамары. Старательно давал только факты без всяких субъективных «я полагаю», «вероятно», «мое мнение». Только голая реконструкция событий. Фамилии, имена, их действия. Начальству, как он прочитал по взглядам сидящих, такая подача материала нравилась. Кто-то одобрительно кивал, сверяясь с его словами по записям в блокноте. Но дальше наступило самое трудное.

– Григорий, с вами в команде находились три боевика из Амурского филиала Тайного Двора, – Сайдулаев, сцепив пальцы рук, навалился на край стола. – Как можете объяснить их присутствие? У вас с ними какие-то дела? Вы подписали контракт на исполнение задания? И почему в одиночку решили заняться спасением княжны, рискуя не только ее жизнью, но и своей? Как вы узнали, где ее держали в заложницах?

Настало время саморазоблачения, – горько усмехнулся про себя Никита. Вот и все. Приплыли. Сколько дадут, интересно, за присвоение чужого имени?

Глубоко вздохнув, словно перед прыжком с десятиметровой вышки в чашу бассейна, он начал рассказывать, каким образом знаком с боевиками Тайного Двора, как они воспитывали и обучали мальчишку с малых лет держать в руках оружие, владеть ножом и рукопашным боем вплоть до того момента, когда пришлось поступить в гимназию господина Борисова для получения знаний не только обязательных общеобразовательных, но и магических. Взрослые боялись, что малец не совладает с растущей силой. Нужен был опытный наставник.

– Почему ваш так называемый дядюшка сознательно пошел на обман? – спросил один из сидевших по правую руку от Никиты мужчина с погонами майора.

– Я не знаю мотивов его решения, – честно признался парень. – Но получилось, в общем-то, неплохо. Он подтвердил, что я являюсь его племянником со стороны родственника.

– В Коллегии уже известно, кто вы на самом деле, молодой человек, – проворчал слева сухопарый пожилой мужчина в строгом сером костюме со значком иерарха. – Налицо грубейшее нарушение закона о дворянских чинах и привилегиях...

– Подождите, Тимур Кабирович, – прервал его генерал. – Речь сейчас не об этом. Иначе рискуем съехать с прямой дороги. Значит, ты, Григорий, взял фамилию Старицкий, по ней поступил в гимназию, и до сих пор никто не предъявил тебе обвинение в подлоге?

– Господин Борисов, директор гимназии, недавно разговаривал со мной и предупредил, что Коллегия иерархов докопалась до сути и будет обвинять меня в присвоении чужого имени, – Никита скосил глаза на волхва в сером костюме. – Но это лишь предлог, для того чтобы заполучить меня в ученики Академии, привязать надолго обязательствами к себе...

Тимур Кабирович возмущенно фыркнул:

– Ерунда какая!

– А свою настоящую фамилию можешь сказать? – Сайдулаев смешно прищурился, как будто хотел подловить юнца на обмане. И по его реакции Никита понял – он все знает.

– Моя родовая фамилия – Назаров. Имя – Никита. Причины, по которым я взял другое имя, должны быть вам известны.

– Да, до меня довели факты твоего прошлого, – подтвердил генерал. – Я лично имел беседу с Константином Михайловичем, и он рассказал много интересного. Получается, что уже шестнадцать лет с лишним с момента ужасного преступления один человек живет под чужой фамилией, а по факту – не имеющий возможности получить защиту своего клана, и никто пальцем не пошевелил выяснить правду.

Астапов нервно заерзал на стуле. История, которую он сейчас услышал, для него оказалась очень интересной. Многие недостающие картинки встали на свое место. А ведь он был прав, когда доверился своей интуиции и пошел на контакт с Назаровым-старшим! И барон Коломенцев не ошибался! Если бы с самого начала патриарх Назаров разрешил легализовать мальчишку и взять его под государственную защиту – многих бед удалось бы избежать! Чертов интриган!

– Георгий Ефремович, – Сайдулаев пристально посмотрел на Астапова. – Это ведь вы вели дело о гибели женщины на кордоне Харитонова?

– Так точно, господин генерал, – подтвердил директор. – Я тогда был старшим следователем.

– Хочу позже поговорить с вами по этому происшествию обстоятельно. Спасибо. А ты, Никита... Можно называть тебя Никитой? Хорошо, рассказывай дальше. С твоим странным прошлым мне все ясно. Не хочу сейчас заострять на этом внимание.

– Да, ваше превосходительство, – твердо ответил парень и вскинул голову. – С этого момента я Назаров Никита. И навсегда.

Многие из присутствующих едва сдержали улыбки. Речь молодого волхва отдавала пафосом, но кто не был таким же в его годы, когда принимал важное решение в своей жизни? История, рассказанная этим пацаном, тронула мужчин, часть которых уже рассматривала свои седины в отражении зеркала, и никто не собирался тыкать пальцем в грехи, позволявшие обходить закон или нарушать его, причем – неоднократно.

– Мне уже понятна подоплека последних событий, – обратился генерал к слушателям. – Мы подозревали связь Хазарина с Бэккетом, но не думали, что дело касается двойного предательства, великий князь Константин Михайлович просил уделить особое внимание клану Китсеров, понять, почему волхв пошел на государственное преступление. Я поручаю вести следствие по Китсерам полковнику Барковскому. О результатах докладывать ежедневно. Выясните, кто причастен к финансовым давлению на активы рода Назаровых по дальневосточному краю, а по Москве и Петербургу будут работать другие специалисты.

– Слушаюсь, – кивнул Барковский, слегка наклонив большую с пролысинами на макушке голову.

– Теперь в дело вступают странности, в которых до сих пор не могут разобраться наши великие иерархи, – в голосе Сайдулаева послышалась ирония, но легкая, без издевки.

– Вы, Вагиз Ахметович, напрасно грешите на нашу несостоятельность, – пробасил колоритный дядечка с лицом, похожим на маску страшного северного тролля. Старые ожоги на лбу и правой щеке уже давно зажили, но рубцы, которые почему-то не смогли вывести, морщили кожу, отчего на этого человека нельзя было смотреть без содрогания. Никита уже прошупал его полевую структуру и понял: перед ним сидит иерарх с мощностью трех стихий. Забавно, что как только парень прошупал ауру и возможности дядечки, тот закрылся и удовлетворенно улыбнулся, не глядя на щенка, вздумавшего играть с его полем. – Мы сразу сказали, что поиски княжны осложняются мощной блокировкой. И артефакт назвали: браслеты Арлана. Только они могут поглощать в себя силу того, на ком сидят. Их в мире несколько десятков, причем не новоделов, дешевок из легированной стали, а старинных, из серебра.

– Но там дело в рунах, а не в материале, – вставил замечание Никита.

– А откуда тебе известно, что именно руны являются замыкающим фактором? – иерарх трех стихий живо повернулся к нему. – И как тебе удалось снять блок? Хочу услышать, как ты вышел на княжну, обнаружил ее след, вскрыл замок? Вагиз Ахметович, кажется, пришло время моих вопросов?

– Не возражаю, Исидор Миронович, – улыбнулся генерал.

– Тогда – рассказывай, найденыш, – хмыкнул иерарх.

– Я применял стандартный способ поиска, по остаточным следам ауры, но быстро понял, что ничего не добьюсь с его помощью. Тамару Константиновну лишили силы, как и меня, но через пару часов я себя чувствовал нормально, не считая сломанной челюсти и выбитых зубов. А княжна не просматривалась в астральном пространстве. Ясно же, что применили блокировку сильными артефактами. Тогда я обратился за помощью к «потайникам», чтобы самостоятельно проверить таежные деревни, заимки, становища.

– Почему именно там? – поинтересовался Барков-ский.

– Я подслушал разговор Хазарина и Бэккета. Американец говорил о паре надежных укрытий, но местоположение не назвал. Хазарин сам просил не говорить, чтобы в случае поимки не расколотся под ментальным допросом.

– Продуманный ублюдок, – заворчал Исидор Миронович. – Дальше что было?

– Один скрыт находился в городе, а вот другой обязательно должны были подготовить в труднодоступном месте, – продолжил Никита, вдохновленный вниманием следственной группы. – Лично я так бы и сделал. Это же правильно. Даже если княжну обнаружат – добраться до нее будет трудно. Дороги плохие, с воздуха не всегда можно найти точку. А за это время можно сменить дислокацию. Вот я и решил с друзьями поискать по большому радиусу, уже зная, что в пределах двадцати-тридцати километров от Албазина идут интенсивные поиски.

– Надо же, стратег выискался, – буркнул Тимур Кабирович, не простивший шпильку Никиты в адрес своего заведения.

– Меня обучали потайники, – напомнил Никита. Не нравился ему этот... из Коллегии. – На вторые сутки мы заехали в деревню Шишковку, где проживает один старичок, который знает тайгу, как все свои пальцы на ногах и руках. Он и дал наводку на Петькин балаган. Как оказалось – правильно.

– Счастливое стечение обстоятельств, – не сдавался иерарх Исидор. – Я даже не беру во внимание этот факт. Повезло. Но каким образом произошла разблокировка? Княжна Тамара никак не могла, учитывая ее полную беспомощность.

– Я снял, – пожал плечами Никита.

– Да как? – вскочил на ноги иерарх, словно мальчишка, с таким рассерженным видом, что на изуродованной щеке кожа неприятно сморщилась. – Дурочку-то не валяй! Не хочешь открыть свои методики? Чего-то боишься?

– Я не этого боюсь, – поиграл желваками парень. – Вдруг очередного нарушения закона мне не простите?

Мужчины разом грохнули от смеха. Даже Тимур Кабирович кисло улыбнулся. Исидор поморщился; смеяться ему, видно, было тяжело. Оттого и взгляд тяжелый. Он махнул рукой, призывая всех успокоиться, и дал обещание:

– Не будем мы тебя к суду привлекать. Перед Творцом ответишь когда-нибудь. Чего придумал-то, молодец?

– Я принял кристалл «радуги», – признался Никита. – Эффект применения ведь довольно разнообразный. Многие знакомые, кто балуется наркотиком, говорят о всевозможных вариантах миров, в которых они проживают. Я подумал, что смогу вызвать из подсознания свои мечты и желания, которые реализуются в псевдореальный мир. Так и получилось.

– Можно поподробнее? – заерзал Исидор, почуяв небывалый азарт. Он ведь тоже пытался понять эффект «радуги», даже проводил испытания с добровольцами, но ничего не мог понять.

– Там много личного, – смутился Никита.

– Личное отсекай, нужное – говори.

– Я оказался внутри большого города, окруженного древней крепостной стеной. Мысль была такой: стена – это блок артефакта, а все, что внутри – подсознание княжны Тамары, – Никита говорил медленно, тщательно подбирая слова, чтобы лишней фразой не раскрыть картину будущего. Ведь это и был сигнал из будущего, пусть и метафоричный, со множеством

символов – но именно подсказка, а не что-то иное. – Я хотел ее найти, и «радуга» простимулировала нужные участки мозга. Как ни странно, Тамару Константиновну я встретил, разблокировал браслеты, но не смог их снять ввиду своего нефизического проявления.

– Как тебе удалось снять блок?

– Посредством изменения рунических символов.

– Какие были символы?

– Кельтские вперемешку с нордическими.

– И? – снова подпрыгнул Исидор, как будто сидел на горячей сковородке. – Да говори же, Назаров!

– Изменил структуру заклęcia, прочертил на рунах нужные резы.

– Ты же говорил, что в нефизическом состоянии невозможно что-либо сделать руками.

– На прорисовку рун не требуется больших затрат энергии. Я смог. При должной практике и умении...

– И ничего не произошло?

– Почему? Произошло. Блок рассыпался. Княжна Тамара могла пользоваться силой самостоятельно. Я еще подпитал ее на всякий случай. Резерв энергии у нее был слишком мал. Вот в этот момент вы и засекли ее ауру в астральном поле.

– Ничего не взорвалось, не изменилось в твоём восприятии? – продолжал допытываться Исидор.

– Да обычно все, какие изменения? Чему там взрываться? Я умею работать с нордическими рунами. А кельтские – это же современная европейская руническая школа. Мне она тоже известна.

– Да кто учил-то тебя?

– Никто, – слегка слукавил Никита, не упоминая имени волхва Кирилла. – Теорию, конечно, изучал в гимназии и самостоятельно. В библиотеке было достаточно хороших трудов. На практике мне не составляло труда читать руны на магическом уровне.

– Невероятно, Творец тебя расцелуй! – Исидор схватил стакан с водой и жадно выпил до самого дна. – Мне надо с тобой обстоятельно поговорить!

– Господин Назаров находится под протекцией Амурской Коллегии! – поспешил выскочить Тимур Кабинович. – Все вопросы решайте с управленческой комиссией!

– Да не мельтешите вы со своими претензиями! – раздраженно отмахнулся Исидор. – Перед нами готовый волхв-прикладник с полной силой! Я, по-вашему, должен упустить такой шанс? Еще надо разобраться, кто давал вашему отделу такие полномочия!

– Уважаемые! Прекратите внутрисемейный спор! – генералу надоела пикировка иерархов. – Потом, если появится желание, поговорите с Назаровым в более подходящей обстановке. А ты продолжай, Никита.

– Рассказывать уже нечего, – пожал плечами парень. – Я вышел из псевдореальности, сразу же обнаружил сигнал метки и по нему привел группу к Петькиному балагану. Использовал плетение «Сон», княжну Тамару Константиновну освободили и ушли обратно в Шиш-ков-ку. Пришлось торопиться, потому что девушке стало плохо от остаточных проявлений каких-то инъекций.

– Фармагики применили, – кивнул генерал Сайдах-метов. – В этом вопросе меня про-светили.

– А где сейчас Тамара Константиновна? – воспользовавшись паузой, смог задать свой главный вопрос Никита.

– В городской поликлинике, – генерал не стал накидывать полог загадочности на рядовое событие. – Проходит лечение под контролем лучших врачей-волхвов и обычного медперсонала. Туда не лезь, сынок. Там тотальная охрана по всему периметру. Даже аристократы теперь в больницы для простых граждан вынуждены обращаться. Вот такие дела. Ты можешь идти

домой. Я дал указание, чтобы тебя с ветерком домчали. Моя просьба: в эти дни никуда не отлучайся. Вдруг понадобится следствию. Твои друзья-потайники будут вызваны на допрос позже. Георгий Ефремович, возьмите это дело на контроль. Или людей в Раздольную пошлите, чтобы снять показания, или сюда... Картина ясна в общих чертах, и по самовольной акции гражданских лиц мы, пожалуй, закончим. Господин Барковский, поясните, что выяснили по Хазарину? Каким образом ему удалось выскочить из «аркана»? Хорошо, что американца взяли прежде, чем он понял, что заложница освобождена. Не успел за кордон смыться.

Последние слова Никита слышал уже из приемной, но задерживаться, проявляя свое любопытство, не стал, а просто сбросил активную «прослушку» со спящим режимом, чтобы не расходовать энергию. Потом можно прийти к зданию Департамента и спокойно прокрутить разговор следователей.

«Шпион недоделанный, – подумал с усмешкой про себя Никита. – Вечно суешь нос куда не велели».

Строгий взгляд секретаря Астапова проводил его до самых дверей. Облегченно вздохнув, что вся волокита закончилась, Никита спустился на первый этаж, еще раз испытав пристальное внимание со стороны охраны в холле Департамента, и вышел на улицу.

Домой его довез водитель, который встречал их на вертолетной площадке. Обещание свое он выполнил. Никита с непонятым трепетом смотрел на особняк, угрюмо нахохлившийся в вечерних сумерках. Уличные фонари бросали неяркий свет на темные окна второго этажа, где находилась комната Тамары. Непонятное опустошение засело в самой глубине души; зная, что девушка находится на лечении, он все равно послал во двор и в дом «амеб» с «кара-катицами». Но они просигнализировали о нахождении целой группы людей на первом этаже. Никита легко считал ауры Марченко, Шубина, Галины, Валентина и еще нескольких незнакомых людей. Видимо, это и были личные представители великого князя. Может, допрос ведут. Скорее всего, Тамару он до отъезда ее в Петербург не увидит. Уверенность в этом предположении поселилась в самых дальних уголках души и не хотела покидать своего места, цеплялась коготками и вызывала боль, несравнимую с той, которую молодой волхв получил после удара ногой в лицо. Физическое недомогание можно пережить, залечить небрежным набрасыванием лекарственных плетений. Душевные терзания разъедали, словно ржавчина, и спрятаться от них не представлялось возможным.

«Неужели это и называется любовью? – с отстраненным любопытством размышлял Никита, прислушиваясь к своим ощущениям, и медленно приближался к крыльцу ставшего родным дома. – Тогда жить с одновременным чувством боли и наслаждения не слишком комфортно. Сердцу тяжело выдерживать такой шквал разнообразных эмоций. А почему так происходит? Да все из-за страха потерять Тамару. Да, я боюсь ее реакции, когда она узнает мое настоящее имя, что я обманывал ее. Пожалуй, тоже предателем назовет. Но ведь от этого я не перестану ее любить! Только вернет ли мое признание ее расположение?»

Он остановился, внезапно поняв, что еще один человек с обостренным чувством справедливости обрушит на него вал упреков. И, уже открывая двери, Никита понял, что такое событие произойдет совсем скоро.

На него налетел вихрь в легком сарафане, с мелькающими на нем ярко-красными лепестками причудливых цветов. Вихрь с радостным визгом повис на его шее, и Никита закружил его вокруг своей оси, крепко обхватив осиную талию Ольги, чувствуя, какое же у нее гибкое и ладное тело. Даже мысли поползли, услужливо представляя возможность сравнить двух девушек. Его «сестренка», уезжая в начале лета из Албазина, была похожа на бледную мышку, высушенную интенсивными занятиями, даже волосы поблекли, а вернулась румяная и улыбающаяся девица с жемчужной улыбкой. Может, тоже влюбилась в кого?

– Гришка! Как я рада! – тон Ольга все же сбавила, не разжимая рук на шее. Так и висела, поджав длинные ноги. Чертовка даже не представляла, насколько она тяжелая. Парень стои-

чески терпел, не размыкая рук. От взгляда блестящих и радостных глаз девушки ему стало неловко. – Подумать только: два месяца не виделись, а как ты изменился!

– И какие впечатления? – усмехнулся Никита, испытывая странное раздвоение личности. Ему хотелось быть рядом не только с Тамарой. Хорошо же, когда есть кто-то, кто обезболит на время зияющую рану в душе.

– Ну, мужественным стал, – призналась Ольга и пристально взглянула на его лицо. Ахнула. – Это что – шрам? Как ты умудрился его получить? Садись-ка в кресло, сейчас лечить буду!

– Да подожди ты, егоза! – выдохнул Никита, отцепляя груз с шеи. – Ты уже в курсе, что у нас происходит?

– Насчет дядюшки знаю! – выпалила Ольга. – Я его отругала, представляешь! И тебя буду ругать! Почему не следил за ним? Почему не сообщили нам о произошедшем? Это же ужас! Стоит вас, мужчин, оставить одних, вы здесь сразу передрались с кем-то, получили кучу ран... Нет, я за вас возьмусь!

– Оленька, угомонись! – раздался смешок Барышева за ее спиной. Хозяин дома появился из своей комнаты, когда племянница не на шутку разошлась с обвинительной речью. – Может, нам стоит первым делом поужинать, а потом разобраться со всеми таинственными и не совсем приятными событиями. Поговорим за столом...

Барышев посмотрел на Никиту с пытливым вниманием, как будто хотел выяснить, удачно ли закончилось мероприятие, на которое отлучался сей юноша. Никита ответил:

– Все в порядке, дядя. Кажется, все дела я закончил. Мир спасен, злодеи наказаны.

– К нам заходили какие-то люди, искали тебя, – Ольга сверлила взглядом «брата», злясь, что ничего не понимает, а никто не торопится рассказать ей. – Говорили, что приехали из самого Петербурга. Гришка, что происходит?! Где ты был два дня? Что за дурацкие секреты!

Она топнула ногой от возмущения.

– Давайте есть! – Никита увернулся от скользкой темы хотя бы на полчаса. Пока Кондратий Иванович будет отвлекать Ольгу своими злоключениями, он успеет продумать, как отвечать на неудобные вопросы девушки.

За столом Никита внимательно смотрел на младшую сестру Насти, занятую расспросами дядюшки. Теперь-то, имея перед собой пример для сравнения, он с удивлением понял: и Тамара, и Оля вполне дополняли друг друга. Его «сестренка» просто клочкотала энергией душевной доброты, стараясь по возможности сразу сблизиться с людьми, помочь им и стать надежным другом. Возможно, эти качества и определили ее профессиональную направленность, поддерживаемую даром лекаря. Тамара же уравнивала эту бешеную неумность рассудительностью и рациональным поведением в любой неприятной ситуации. Княжна знала свои способности и применяла их, не особо рефлексировав. Огонь и лед, совмещение разных стихий, приводящих к необычному результату, мощная защита от врага – вот как представил девушек Никита. Пусть Ольга не так ослепительно красива, как Тамара, зато она мила в своей непосредственности и разобьет в будущем не один десяток мужских сердец.

Только ему-то что сейчас делать? Тяжело вздохнув, Никита поднялся из-за стола, извинился за скорый уход и тайным знаком показал удивленной Ольге, что ждет ее в своей комнате. В конце концов он дико устал и хотел спать, но знал, что девушка ни за что не оставит своих намерений узнать о тайнах, скопившихся за время ее отсутствия. Интересно же! Как такое пропустить? Вот потому он и поспешил наверх, чтобы принять душ, привести себя в порядок и продумать стратегию беседы. С последним у Никиты были сомнения. Ольга просто сметет его доводы обычными женскими эмоциями и обвинениями во лжи. Ну, когда-то надо сделать первый шаг.

Никита оказался прав насчет «сестренки»: Ольга не усидела на месте и получаса. С трудом дождавшись десерта и закончив безуспешные попытки расколоть неуступчивого дядюшку,

она пригрозила ему, что пойдет к Гришке и заставит его выложить всю правду. На что Барышев с радостью согласился. Он и сам многого не знал, но догадывался о каких-то эпохальных изменениях в жизни своего «племянника».

– А теперь рассказывай! – Ольга бесцеремонно вломилась в его комнату и плюхнулась на кровать. Никита в это время с не успевшими высохнуть волосами выгребал вещи из дорожной сумки и аккуратно раскладывал по местам. – Только не ври мне! Я сразу пойму!

– Ты уверена, что тебе надо знать? – увиливал до последнего Никита.

– Если ты о своей девушке из дома напротив – так я об этом знаю, – голос у Ольги чуть-чуть, но дрогнул. Если бы Никита не был сегодня так восприимчив к деталям, он и не обратил бы внимания на такую тонкость. – У тебя с ней все хорошо? Кстати, я не видела ее, как приехала...

Вот как: «о своей девушке». Никита сел рядом с Олей, стал все рассказывать, опуская незначительные мелочи, которые никак не влияли на общую картину произошедшего. Все честно. Он не Старицкий, а Никита Назаров, последний прямой наследник из богатого рода, скрывался от врагов под именем племянника Кондратия Ивановича, который сам и предложил такую аферу. Да, ему нравится Тамара (о том, что она княжна, Ольге знать не нужно. Пока. А может и вообще не нужно), но ее недавно похитили с целью выкупа и шантажа влиятельных родителей девушки. Поэтому Никита и не ночевал дома несколько дней, спасая Тамару. Вот такая незамысловатая история, без излишних прикрас. Оля, кажется, думала, по-своему. Она подняла затуманенные глаза и тихо спросила совсем не то, чего ожидал Никита:

– А ты спас ее?

– Да. Сейчас она проходит лечение, и когда выздоровеет, уедет в Петербург.

Оля поджала под себя ноги, обхватив руками начавшие округляться колени, и медленно произнесла:

– Какой же ты гад... Никита.

А потом еще медленнее, напевно, словно издеваясь или пробуя на вкус новое для нее имя:

– Ники-и-и-и-та-а-а! Выходит, ты не мой брат?

– Выходит – так, – осторожно ответил парень.

– Жаль. Всегда хотела иметь такого брата: старшего, сильного и...

Оля соскочила с кровати и пристально взглянула на смутившегося Никиту. Потом неожиданно для него обхватила ладонями голову, что-то прошептала, едва шевеля губами, и кивнула своим мыслям.

– Когда я рассказывала маме про тебя, она сразу заявила, что дядюшка темнит. Вот так прямо и сказала. Дело в том, что Кондратий Иванович давным-давно разругался со своим двоюродным братом, и тот уехал подальше отсюда. Пригрозил, что не будет больше поддерживать связь с человеком, который занимается темными делишками, порочащими честь рода. Про какие делишки намекал отец Григория – я не поняла. Мама тоже молчит.

Никита как раз и понял. Сам Кондратий Иванович намекал, что имеет косвенные связи с потайниками. Видимо, это обстоятельство и стало причиной разрыва.

– Значит, твоя мама подозревала подлог?

– Видимо, да, но ничего не говорила. Только предупредила нас, чтобы мы не совали нос куда не следует, – Оля вздохнула. – И я стала к тебе присматриваться. Нашла фотографию Старицких в семейном альбоме, где тебе (или не тебе?) было лет семь-восемь.

– И поняла, что я – наглый лжец, – усмехнулся парень, любуясь миловидным лицом девушки. Оно было грустным и загадочным одновременно. Как будто решила для себя сложнейшую жизненную проблему и нашла выход из тупика.

– Да, лжец, – спокойно ответила Оля. – Знаешь, как я ревела по ночам, что ты обманул не только меня, но и Настю. Она-то потом рукой махнула и сказала, что тебе лучше уехать из

Албазина, потому что, вернувшись сюда, обязательно тебя приберет очень изощренным способом.

– Ужас, – поежился Никита, представляя, как Настя будет убивать его взглядом красивых кошачьих глаз.

– Лжец, – тихо повторила девушка, – но не наглый. А просто хороший, добрый мальчик, у которого отняли семью. От тебя не исходит угроза нашему дядюшке, нашей семье.

«Еще как исходит, ты даже не представляешь, – подумал Никита. – Но тебе лучше не знать. В любом случае после происшествия с Тamarой я уеду из Албазина. Пришло, кажется, время».

– Дядя Кондратий знает, как тебя зовут на самом деле?

– Он догадывается, что у меня есть другое имя, но ты будешь смеяться: мои приемные родители звали меня Григорием, – голос парня стал твердым. – А теперь я хочу поспать. Устал как собака, шарахаясь по лесу. Извини, Оля.

– Ладно, не буду тебе мешать. Я тебе, кстати, сняла спазмы сосудов, чтобы голова не заболела, – улыбка у девушки вышла жалкая. Она открыла дверь, чтобы выйти, и напоследок пожелала спокойной ночи. А Никита подумал, что сегодня ночью она будет снова реветь в подушку, но ничего не мог с собой поделать. Бедная девочка, которая была равнодушна к нему, воспрянула духом, когда узнала, что они не кровные родственники, а сегодня ее надежды рухнули. Но все равно, твердо решил парень, сестры будут под его защитой всегда и еще обретут свое счастье.

Очнувшись от воспоминаний, Никита с удивлением обнаружил, что схомячил все бутерброды. перевел взгляд на мельтешащие картинки в телевизоре. Показывали криминальную хронику. Прибавил звук. Ага, это Ярославль. Камера выдернула название станции, прыгая по белоснежному фронту вокзального здания. Потом крупным планом показали двух человек, выходящих из поезда под охраной линейных дружинников. Никита узнал этих людей. Мотор и Окунь. Оказывается, они были опасными преступниками, пойманными на месте своего злодеяния бдительными дружинниками. Только почему-то пострадавших не было. Ну, а откуда им взяться, если загадочный пассажир по кличке Шут исчез в темноте маленькой станции? Никита, после того как распахнул оружие бандитов обратно под их куртки, сходил за проводником и пожаловался, что из седьмого купе доносятся крики. Что-то ему беспокоило за пассажира, находящегося там. Проводник жестко попросил его сесть на свое место и не выходить в коридор до того момента, как все разрешится. А сам умотал за линейным патрулем. Никита пытался представить их лица, когда заглянул в купе. Два типа на чужом месте, с оружием. А пассажир этого купе исчез. Проводник клялся, что никому не открывал двери в тамбуре, и куда пропал гражданин Ласточкин – не знает. В общем, Мотора и Окуня задержали до выяснения обстоятельств. Скорее всего, выпустят без проблем. Оружие они носят легально. Репортеры это выяснили буквально сразу. Состав преступления нет. Отпустят. Еще и извинятся. Ласточкина объявили в розыск.

Никита усмехнулся и выключил телевизор. Хватит с него героических подвигов. Пора привыкать к мирной и обычной жизни. И деду позвонить нужно, что благополучно прибыл на место.

Глава пятая

Рука Светлейшего с пистолетом взлетела вверх и застыла на мгновение. Мишень нечетко смотрелась на фоне оголенной березовой рощи, но времени на корректировку Балахнин себе не давал. Палец нажал на курок. Семь выстрелов из тяжелого «скифа», один за другим, без перерыва, разорвали тишину нахохлившегося от сырого туманного утра леса. Князь опустил руку и отдал пистолет подоспевшему помощнику, который тут же перезарядил оружие. Другой ассистент торопливо менял мишень. Дал отмашку, что все готово, а сам порскнул вбок за небольшой холмик, где переждал опасную для себя забаву хозяина. Снова прогремела серия выстрелов.

– Пожалуй, достаточно, – кивнул князь. «Скиф» переключался в кобуру помощника, а сам Светлейший тяжелой поступью направился к походному столику, на котором уже исходили ароматно-тягучим запахом шашлыки, светились янтарем бутылки с коньяком, а различная закуска, начиная с салатов и заканчивая сочной бужениной, только и ждала, когда четверо собравшихся на пикник людей примутся оценивать ее вкусовые качества.

Суетившийся возле столика молодой парень из свиты князя Балахнина разлил по хрустальным стопкам коньяк и отскочил в сторону. Для прислуги будет свой стол, попозже, когда знатные гости, насытившись, пойдут гулять с ружьями по лесу. Пришла пора пострелять рябчиков.

Князь Балахнин неслучайно собрал на природе своих верных подвижников и соратников. Вот известный в столичных кругах барон Абрамов, владелец частных оружейных фабрик от Ростова до Новгорода, сам инженер-конструктор, повеса и ловелас. В свои пятьдесят лет до сих пор охоч до молодых красивых дам, и это несмотря на прелестную двадцатипятилетнюю жену (третью по счету, кстати) и десяток отпрысков от нескольких браков. Стоит, сыто посматривает на великолепие начинающегося дня и поглаживает короткую бородку.

Тут же отирается Николай Кириллович Романов, еще один недовольный властью клана Меншиковых. Еще бы: после смерти Петра Алексеевича ведущая боярская партия Алексашки Меншикова – деревенщины, вылезшей из поскони в дворяне – прознала про темные делишки этого рода. Дескать, якшались с западниками, с англосаксами. Вскрылись их тайные связи во времена Смуты, когда Рюриковичей спихивали с трона. Заговором запахло. Вот Меншиков и засуетился, подложное завещание предъявил Сенату и Кабинету. Поверили, упыри. Романовых – в опалу, в дальние края, на подножный корм. Петра Алексеевича не стали дискредитировать, так как много пользы принес России, а вот с его родственниками поступили сурово. Ладно, никого не казнили. Только в 1880 году высочайшим повелением Михаила Второго Меншикова все Романовы были прощены и получили возможность вернуться в свои имения. Даже в столице разрешили селиться, но без права появления в императорском дворце. С тех пор и скрежешут зубами по углам. Для Балахнина такой союзник весьма кстати, подходит по всем статьям. Род небогатый, но под вассалитет клана Алексея Изотовича пошел охотно, не стал корчить из себя невесть что.

Третий собеседник с живым интересом посматривал то на столик, то на самого князя, словно хотел показать, что пора давать сигнал для начала трапезы. Карпович Леонид Яковлевич – хитрый делец, занимает пост помощника министра по внешней торговле. Аристократ с купеческими повадками и замашками. Н-да уж. Компания разношерстая, но объединенная одной идеей: сменой династического правления. Пусть не сегодня, не через пять лет, но однажды это произойдет. У Балахнина есть дети, у его верной креатуры тоже хватает наследников. Они продолжают курс, начатый еще дедами.

Балахнин поднял стопку и полной грудью вдохнул пьянящий прозрачный воздух, пахнувший дымком и прелью гниющих листьев.

– Давайте за прекрасный денек, братья, – сказал он. – Дай нам Творец удачной охоты. Может, кабана выгоним. Пошли за рябчиками – вернемся с матерым.

Мужчины засмеялись и опрокинули в себя содержимое стопок. Чинно закусили. Пошел обыкновенный и легкий треп о жизни, о детях, об охоте, который плавно перерастал в обсуждение животрепещущих вопросов, тесно связанных с интересами их родов.

– Намедни прошли переговоры между торговыми представительствами России и азиатскими компаниями, – прожевав кусок шашлыка, сказал Карпович. – Сверху идут какие-то странные поручения: свернуть активность на маньчжурском направлении и сократить товарооборот с китайцами. А вот с Кореей, Индией, Японией, наоборот, договориться о совместных привилегиях.

– Война намечается, никак? – полюбопытствовал Балахнин, аккуратно снимая с буженины веточку укропа. Он знал о натянутых отношениях Русского Кабинета с Канцелярией Цин Го, и у него были данные другого характера. Просто проверял интуицию Карповича. – Будем драться с хунхузами, а китайцев просим не вмешиваться?

– Бес их там разберет, – раздраженно ответил Леонид Яковлевич, самолично разливая коньяк. – У меня с маньчжурами по текстилю хорошая прибыль в свой карман и казну идет. Ну не будет же император сам рубить сук, на котором сидит.

– Назаровский текстиль не хуже, – заметил Абрамов. – Чего ты за тридевять земель поперся?

– Мне с Назаровым не с руки конкурировать, – поморщился Карпович. – Он по своим каналам мощно набивает. А что мне со стариком бодаться? Помрет скоро – подгребем под себя всю империю.

– Губу-то закатай, Леня, – добродушно произнес Балахнин. – У него, кажется, наследник объявился.

– С чего вдруг? – удивился Романов, занюхивая лимончиком очередную порцию коньяка. – Где он нашел такого дурачка, который с Китсерами потом бодаться будет?

– Китсерам – хана, – авторитетно заявил Абрамов. – Их сейчас трясут, как переспелую грушу. Влезли куда не надо. Меньшиковы такого не прощают.

– Да, барон сделал большую глупость в своей жизни, – подтвердил Балахнин. – Но, думаю, обойдется публичной поркой и снятием шкурки. А потом, он же не мог заглянуть в башку своему холопу, да еще волхву.

– Вот за это и ответит, – кивнул Абрамов.

– А что с наследником? – вернулся к разговору Романов. Он был младше всех стоявших возле стола мужчин, хотя его возраст приближался к пятидесяти, и понимал, что матерость достигается не за счет прожитых лет, а умением встроиться в общество и только одним словом пробивать собственные прожекты. Романов Николай Кириллович к таким людям не принадлежал, но догадывался, что его привлекли в эту группу не случайно. Знатная фамилия – это флаг любого движения. Прикрываясь его именем, оппозиционеры хотят свалить династию Меньшиковых, а вот что будет дальше – одному Творцу известно. Но даже ради этих моментов стоит сыграть в рулетку.

– Нашелся наследник, – Балахнин усмехнулся и кивнул Карповичу, чтобы тот разливал, не дожидаясь помощников. Ну их, пусть стоят за спиной и не мешают разговору. – Слухи ползут, что по главной линии правнук отыскан.

Карпович так и замер с куском шашлыка возле рта. Остальные оказались более сдержанными, но и то с любопытством смотрели на светлейшего, ожидая от него продолжения.

– Это какой правнук? Откуда? Неужели Валька отыскалась с отпрыском? – усмехнулся Романов. – Помнится, она же сбежала из дома подальше от патриарха. Дед не разрешал ей выходить замуж за какого-то худого дворянчика.

– Валентина погибла на Амуре, – пошевелил бровями Балахнин. – Это я знаю точно. Просто Назаров долго скрывал ее смерть от общества. А вот Китсеры, кажется, приложили к этому руку. Косвенно, конечно. Я разговаривал как-то с бароном, а тот в припадке раскаяния обронил жуткое признание. Языком болтать себе на погибель я не хотел. Вот и молчал.

– Ну и хрень, – просипел Карпович, откладывая шашлык и твердой рукой разливая коньяк по третьему кругу. – Не знал, не знал, Алексей Изотович. Ну, ты выше нас летаешь, и о чем там говорят, знаешь поболее. Жаль девуку.

– Вологодский отшельник – та еще бестия, – усмехнулся Абрамов. – Водил Китсера за нос долгие годы и выпестовал-таки наследника своей империи. Мальчишке только восемнадцать лет скоро исполнится, но поговаривают – сильный волхв.

– Кто поговаривает?

– В Коллегии иерархов шепотки ползут, – пояснил князь Балахнин и строго взглянул на собеседника. – Иногда они выползают из четырех стен и идут дальше гулять. Неважно, Петр Дмитриевич, как я получил эти данные. Вырисовывается нехорошая картина по нашему делу.

– Да чем может угрожать какой-то мальчишка нашему проекту? – удивился слегка захмелевший Карпович. – Летает по своей траектории, нас не знает.

– Еще не поняли? – неожиданно разозлился Балахнин. – Китсер ходил под великим князем Константином, а когда запахло жареным, тот сразу же слил своего холопа. Чуть дочку не потерял. Меня исправно информируют, знаю, в чем дело. Кто спас княжну Тамару?

Все пожали плечами. Они же не так осведомлены, как уважаемый Алексей Изотович. И лишнее слово всегда идет в зачет. Пусть сам выскажется, если уверен в собственной непогрешимости.

– Шепоток-то ползет, что какой-то молодой волхв приложил руку к ее спасению, а Меньшиков подсуелится и берет под свою протекцию парня. Значит, Назаровы скоро будут в фаворе у царедворца.

– Так это что выходит: правнук Назарова и есть тот волхв? – разинул рот Карпович.

– Информация не проверена, но она может подтвердиться, – выдохнул светлейший, влив в себя коньяк. – Тогда Константин Михайлович может провернуть еще одну хитрость. Он просто женит Назарова на одной из своих дочерей – и все.

– Ну и что? – хохотнул Абрамов. – Раз он не идет на сближение со знатными родами вроде наших – найдет других женихов из низовых дворян. Хочет породу портить – его дело.

– Молодой Назаров – обладатель Полной силы, болваны! – хрястнул стопкой по столу Балахнин. – А княжна Тамара – Берегиня!

Карпович витиевато выругался. Он сразу сообразил, куда может подуть ветер перемен. Новые лица в кругу клана Меньшиковых обязательно изменят ситуацию на политическом небосклоне. Назаровский клан всегда был осторожным, и близко к императорской семье не приближался. Значит, пришло время пересмотреть баланс сил.

– Ну, теперь к Косте вообще не подступиться, – высказал он общее мнение. – До этого отшивал всех кандидатов в мужья своей дочери – сейчас и вовсе нос задерет.

– Когда она стала Берегиней? – недоверчиво спросил Романов. – То мне неизвестно. Такие вещи весьма интимны и не выходят за пределы узкого круга посвященных.

– После второй инициации, – буркнул остывший Балахнин. – Давайте-ка, уважаемые бояре, пройдемся по лесу, проветримся. Коньячок выйдет заодно. Ружье тащите!

Это он крикнул своим помощникам, молчаливо торчавшим за спиной. Те бросились исполнять приказание. Остальные гости взяли свои дробовики и карабины и, растянувшись по пожухлой стерне, пошли к опушке. Балахнин рассуждал:

– Великий князь Константин будет всеми силами подтягивать к себе людей, способных защитить его на обычном, бытовом уровне. У него хватает сил справиться со всеми нами, не напрягаясь. А вот с бойцами нехватка. Если молодой Назаров действительно так силен, надо к

нему присмотреться и перетянуть на свою сторону. У тебя же, Леонид Яковлевич, есть дочка, ровесница княжны Тамары.

– Я не хочу лезть в это дело, – хмуро ответил Карпович, думая о чем-то своем и на ходу подбрасывая носком сапога листья.

– И не надо, – добродушно произнес Балахнин. – Никто не толкает тебя на родство с Назаровыми. Надо наносить удары туда, где места слабые. Дискредитировать семейство среднего Меньшикова перед мальчишкой – один из приемов. Можно во всей красе показать, каков на самом деле Константин Михайлович, обрисовать его роль в давлении на клан Назаровых в прошлом. Китсер – это обманка. Истинный игрок сейчас покровительствует молодому волхву, берет его под свое крыло. Назаров, кстати, поступает в Высшую военную академию. Там же, кажется, Бертенев Васька будет учиться?

– Да, – подтвердил Романов. – Я недавно имел встречу с его матушкой. Нина Григорьевна весьма рада такому решению. Наконец-то оболтус взялся за ум.

Князь незаметно для других улыбнулся. В его голове уже зрели комбинации, которые помогут пошатнуть власть Меньшиковых. Начинать надо с основания, чтобы массивная постройка не рухнула в одночасье, но в любом случае когда-то развалится. Камешек за камешком. Времени достаточно.

Глава шестая

В окуляре ПНВ темнота обрела очертания, пусть и в зеленоватом, но во вполне просматриваемом свете, ему привычном. Длинный коридор с многочисленными ответвлениями уходил вдаль, теряясь за выступами ажурных колонн. Не отвлекаясь на тупиковые ходы, Никита продолжил движение вперед. Он прекрасно знал, что настоящая штольня – всего лишь магическая проекция, растянутая в пространстве, а вот где находится настоящий ход, ведущий в помещение с заложниками, надо было вычислить, не прибегая к своим умениям. В этом состояло задание, и за его исполнением строго следили. Даже если бы курсант-волхв захотел запустить смоделированных под такую задачу «шпионов», у него ничего не вышло бы. Любая магия на полигоне блокировалась инструктором, имевшим восьмой ранг. Именно он сейчас снаружи тщательно следил за своими плетениями, путающими группу. Никита еще до входа в здание, в котором проводились занятия по отработке взаимодействия боевой группы и волхва, почувствовал блокирующие сети и при желании мог обойти их. Но тогда зачем нужны такие занятия? Они ведь в первую очередь предназначались для обычных курсантов, не владеющих даром настолько виртуозно – а кто-то и вовсе не обладал такими возможностями – как Никита, а сейчас идущими за ним гуськом медленным шагом, прижимая к плечу автомат; они надеялись на выучку боевого волхва. Никита должен защищать их не хитростью, а наработанными и отработанными в полевых условиях магическими плетениями. Значит, халтурить нельзя ни в коем случае. Он знал о пристальном внимании к своей персоне. В досье на приступившего к обучению в более поздний срок курсанта четко указано, что владеющий силой имярек имеет право уже со второго курса повысить свой ранг до архимага, если по собственному желанию захочет сдать экстерном все положенные и сопутствующие экзамены. Высшее руководство знало о возможностях Назарова и подозревало, что тот не удержится и воспользуется даром в нарушение учебных инструкций. Там еще куча разных предостережений на его счет записано, но кроме них в досье стояла отметка о высочайшем благоволении за спасение одной особы, близкой к императорскому роду.

Никита отказался от заманчивого предложения, сделанного ему. Решение было простым и логичным. Шесть лет обучения, потом практика в войсках, а дальше по распределению Генерального Штаба, как судьба распорядится. Он пройдет весь положенный путь от курсанта до получения звания, диплома и значка с погонами. Иначе так и останется недоучкой, прыгая с курса на курс.

Как же здесь жарко! Специально, что ли, нагоняют тепло через форсунки в стенах, чтобы на глаза пот скатывался, а гимнастерка под комбинезоном вся пропотела! Да еще этот чертов ПНВ стал покрываться испариной. С чего бы? Неужели такая влажность высокая? За спиной отчаянно топает отделение Ромки Елагина, к которому Никита приписан по распоряжению декана военной кафедры. Девять человек, тяжело дыша, следуют за ним шаг в шаг. Почему именно так? При заблокированном магическом поле высока вероятность потерять ориентир в сетке проекций и утонуть в неизвестном направлении. А так каждый контролирует товарища, не дает тому сойти с маршрута. Потеряются – так всем отделением. Мероприятие не самое любимое не только в среде курсантов, но и для волхвов, которые должны с помощью обыкновенной интуиции найти заложников. Ну, или с помощью нюха, как пошутил инструктор Михалюк, смотрящий в этот момент на своем тактическом планшете на все промахи группы. Камер в здании хватало.

Эх, еще бы понять, где проекция, а где настоящий коридор! Стены одинаково ровно уходят вдаль, повороты похожи один на другой, отнорки непонятные то и дело появляются. Хорошие места для возможных засад. Да, здесь и такое может быть. Ребята из других отделений

предупреждали, что легко налететь на «вражескую группу», составленную из иллюзий. Не поймешь сразу, где подставная, а где настоящая, идущая тебе навстречу.

Никита судорожно вздохнул. Вот как на интуиции прочувствовать заложников? Ведь он не может нюхать воздух, подобно собаке отыскивая запахи, и идти по следу. Надо остановиться, успокоиться и просто попробовать прислушаться.

– Ник, что за фигня? – раздался за спиной голос Ромки. – Плохо тебе? Чего встал?

– Не могу я найти этот чертов след! – признался Никита, взяв себе простой и незамысловатый позывной. И заморачиваться не надо.

– Давай я вперед пойду, а ты пока отдохни, – Елагин хлопнул волхва по плечу, и он охотно поменялся с командиром местами. Ромка выдвинулся вперед, что не запрещалось по условиям задания, но замена должна быть кратковременной. Больше никаких послаблений.

Но вместо того чтобы продолжить движение, Никита отошел в сторону и жестами показал остальным, чтобы те сомкнулись. Сам же задумчиво посмотрел назад, откуда они пришли. Странное ощущение, когда находишься внутри проекции. Вроде бы искажение пространства не чувствуется, а когда выходишь из-под ее действия, сразу же стены начинают убегать вдаль, как с эффектом зеркал, поставленных друг против друга. Тяжело работать под блокировкой. Но с другой стороны, это ведь тренировка навыков. Только честно, такую методику Никита не понимал. Какой смысл выставлять рангового волхва со специально закрытой силой против врага, имеющего в своем арсенале кучу возможностей? Его же просто размажут тонким слоем по поверхности земли.

Он тяжело вздохнул и кинул последний взгляд в коридор, по которому группа недавно прошла, и замер. Показалось или снова эффект отражения? На тусклом зеленом фоне вдоль стен крались несколько фигур, ловко маскируясь под цветовую гамму колонн, выступов и ответвлений. Кто это мог быть? Новая группа? Или те самые «виртуальные» противники?

– Группа, внимание, – постучал по «капельке» переговорного устройства Никита. – За нами топают пять человек.

– Иллюзия? – тут же откликнулся Ромка.

– Возможно. Распределяй группу. Встречаем.

Инструктор-волхв имел право внедрять иллюзии в заблокированное от магии помещение, и в этом состояла опасность ошибки любого курсанта-волхва. Где-то бродили настоящие группы, которые могли пересечься с командой Елагина. Михалюк постоянно вносил неординарные вводные, путающие курсантов. А потом долго и со вкусом разбирали ошибки прямо перед всей группой. Тыкал в лужу мордой, как нашкодившего котенка.

Неопознанная группа, следующая тем же курсом, даже не думала маневрировать; если бы они подали какой-то знак, Никита ничего не стал бы предпринимать. Вышло по закону подлости иначе. В самых лучших традициях. Оставалось только подтвердить агрессивные намерения чужаков.

Группу, не обозначившую себя, встретили автоматным огнем. Оружие на самом деле было учебным. При наведении лазерным целеуказателем на любую часть тела сигнал от датчиков, внедренных в тактические комбинезоны курсантов, шел на дежурный пульт Полигона, где операторы отмечали все попадания и предупреждали попавшего под «огонь» неудачника, что он выбит из тренировочного боя. Именно совмещение новейших военных технологий с природной магией удивило Никиту на первых учебных лекциях. Как такой симбиоз мог вообще существовать в принципе – он еще не разобрался, и от этого происходило много ошибок на практических занятиях.

За пару минут ребята Елагина вычистили коридор, и тут же в ухо Никиты ворвался голос Михалюка:

– Отделению Елагина закончить тренировку и выйти из помещения. Построение на площадке через пять минут.

– Как так? Что за фигня? – зашумели курсанты, сдергивая ПНВ. Знали, что после прекращения занятий включается освещение, и, чтобы не ослепить сетчатку глаз, нужно было поторопиться. Дежурный давал несколько секунд, и только потом зажигал световые панели в коридоре.

– Кажется, мы где-то накосячили, – хмуро усмехнулся Елагин, сплевывая тягучую слюну на пол. – «Заложников» не нашли, чью-то группу покрошили. Даю палец на отсечение – нам подсунули иллюзию. Никита, что скажешь?

– Я не понял, – хмуро ответил Назаров, прищуриваясь от вспыхнувших панелей. – Если это иллюзия, то очень качественная. Я даже шорох ног по бетону слышал.

– Черт! – сквозь зубы пробурчал Ромка.

– Сейчас нам Михалюк ерша всунет по самые гланды, – добавил белобрысый парень с округлым и простецким лицом, ни дать ни взять – крестьянский мальчишка, волею судьбы оказавшийся в элитном училище.

– Гляди, Блонда, как бы тебе самому перца в одно место не насыпали, – показал ему кулак Ромка. – Вместе с ершом. С растопыренным.

Курсанты загоготали, строем направляясь к выходу. Блокировка вместе с иллюзией уже была снята; стало понятно, что инструктор использовал голографический отряд и в этом секторе больше не было учебных групп. А с Михалюка станется объявить о дружественных намерениях иллюзорной группы, которую по дурости некоторых сопляков искрошили в пыль.

Никита знал, почему белобрысого курсанта прозывали Блондой. Как раз из-за светлых волос и бровей. Многие недолюбливали Ваську Бертенева, надменного поместного дворянина, попавшего в ВВА по пути наименьшего сопротивления, то бишь по минимальному экзаменационному цензу. Кто был его протее – история стыдливо замалчивала, но слухи ходили упорные, что Васька – внебрачный сын князя Балахнина, одного из влиятельных людей в оппозиционном блоке, пытавшемся вот уже полвека сменить династию Меньшиковых на российском троне. За Балахниним стояли серьезные кланы Абрамовых, Карповичей, Хайдаровых, Романовых и других родов, помельче, принявших вассалитет по отношению к вышеназванным. Ничего удивительного, что Васька-Блонда вел себя вызывающе не только со своими сверстниками, но и с преподавателями и инструкторами, периодически вызывая у последних страстное желание как следует подставить строптивного и заносчивого засранца под молотки, чтобы на законных основаниях вышвырнуть того из Академии. Страшно представить, каким человеком станет Бертенев, когда получит погоны, звание и прямую дорогу к высшей командной должности. Поэтому ничего удивительного в странном прозвище не было. Таким образом товарищи по казарме показывали свое отношение к Ваське, а не желание унижить. Бертенев имел какой-то иммунитет, и пропускал все колкости, недовольство и злость окружающих мимо себя.

На выходе из циклопического здания, прозванного курсантами Полигоном, пришлось сощуриться от солнца, на удивление яркого сегодня; даже не скажешь, что на дворе осень с облетающими с деревьев листьями, с нудными ежедневными дождями, пришедшими со стороны сырой Балтики, ночными заунывными ветрами, бьющими в стеклопакеты казарм. Зима все равно придет, рано или поздно, но на душе от хорошей погоды немного полегчало. Никита знал, что после практических занятий до вечернего тренинга по рукопашному бою будет свободное время.

Михалюк ждал курсантов на широкой асфальтированной дорожке, опоясывающей Полигон, прямо под шумящей от легкого ветерка матерой березой, которую рука не поднялась спилить во время строительства учебной базы, да так и оставили. Пусть живет, блага от нее больше, чем от невзрачной акации. Возле инструктора стояла школьная парта, на которой веером раскинулись картонные папки с учебными планами первокурсников. Пять папок – пять отделений.

– Отделение! Стройся! – рявкнул Елагин, и курсанты, ускорившись, выбежали на асфальтовый пятачок, вытягиваясь в одну шеренгу. – Смирно!

Ромка, чеканя шаг, подошел к Михалюку и доложил о результатах тренинга.

– Становитесь в строй, курсант, – показательно недовольно произнес инструктор-волхв, мужчина среднего роста, темноволосый, с глазами навывкате (Никите все время казалось, что на него смотрит сумасшедший), с тонкими нервными губами, не идущими этому типу лица.

Инструктор прошелся вдоль подтянувшихся молодых парней в учебных тактических комбинезонах, потом повторил маршрут в обратном направлении и завернул за стол. Опершись кулаками о его поверхность, бросил:

– Вольно, господа курсанты! Начнем разбор вашего выступления. Только что ко мне поступили данные с центра обработки боевых параметров, – он постучал пальцем по планшету. – Полную выкладку я смогу довести до вашего сведения только на завтрашних теоретических занятиях, не раньше. Но и навскидку могу сразу сказать: группа задание не выполнила. От слова «вообще». Заложников не обнаружили – минус волхву, уничтожили дружественную группу, идущую вам на помощь, жирный минус командиру. От них должна была поступить вводная о дальнейших мероприятиях. Но раз помощь расстреляна – какие могут быть занятия?

– Как – дружественная? – зашумели курсанты, возмущенные такой подставой. – Да они крались вдоль стен, как будто пытались со спины напасть!

– Несправедливо!

– Тихо! – не повышая голоса, четко приказал инструктор. – Кто это там сказал: несправедливо? Что за детский сад? В бою нет такого слова, понятно? Может, помощь шла, используя складки местности, чтобы не быть перебитой противником? А если в реальности столкнетесь с такими моментами? Начнете садить из всех стволов, не разобравшись, не связавшись с командиром? Глупо... Почему не было попыток контакта? Почему Елагин не вышел на связь? Сразу атаковали!

– Но мы исходили из ситуации... – начал было Елагин, имевший право высказывать мнение отделения и свое тоже на разборе в полевых условиях.

Михалюк прервал его:

– А какая у вас была ситуация, курсант? Найти заложников в здании. Не нашли. С ориентированием в иллюзорной проекции вы справились неплохо, но вот господин волхв, оказывается, вообще не может с заблокированным даром выполнить свою малюсенькую роль в отряде!

Никита сжал зубы, медленно наливаясь злостью. Перечить старшему волхву, знамо дело, он не собирался. Себе дорожке выйдет: месяц без увольнения, бесконечные тренажеры, наряды и прочая лабуда, отвлекающая от учебы. Но все равно он чувствовал свою правоту, что не стал хитрить и ломать блокаду. Михалюк наверняка рассчитывал на эту ошибку. В реальной боевой обстановке душевные терзания ему мешать не будут. Сделает так, как считает нужным.

– А почему вы, курсант Назаров, не захотели применить свой дар ради достижения цели, если не видели иного выхода из ситуации? – инструктор нагло провоцировал его, а глаза, вытаращенные куда-то поверх голов застывшего строя, налились непонятной чернотой. – Почему молчите? Испугались наказания за своеволие?

Никита скупой пояснил свою позицию, почему не пошел на маленькие хитрости. Волхв кивал головой и был похож в этот момент на игрушечного заводного болванчика.

– Но ведь речь шла о жизни заложников?

Вот зачем он так делает? Что надо Михалюку? Начав испытывать раздражение, Никита попытался погасить мощную волну выплеска энергии, а инструктор чувствовал состояние курсанта и упивался превосходством в ранге. Может, он донора в нем нашел? Мысль показалась дельной. Ведь если вспомнить, Михалюк частенько придирался именно к курсантам-волхвам, казалось бы, из-за пустяков. Сразу вспомнился архимаг Борисов, сам использовавший чистую энергию гимназистов.

– Вы же знаете, что использование силы в обход блокировки считается как злостное нарушение и невыполнение задания, – успокоившись, ответил Никита. – Я инструкции не нарушил.

Группа почти выполнила задание, пройдя все иллюзорные ловушки. Считаю, что обнаружить заложников без применения дара – абсолютно нереально. Для таких случаев нужно привлекать сильного сенсорику.

– Это ваше личное мнение? – ехидно спросил Михалюк.

– Это разумное мнение, только и всего, – честно ответил Никита. – Я мог обойти блокировку не напрягаясь, и вы не почувствовали бы ничего.

– Слышал от административной группы, что курсант Назаров неординарно использует данную ему силу, – усмехнулся инструктор. – Но зачем хвастаться так откровенно? Уверены, что вам подвластны законы Космоса и Вселенной? С Творцом за одним столом пьете чай с булочками?

– Никак нет, господин инструктор, не довелось, – ответил Никита и услышал сдавленное хмыканье со стороны Блонды. Васька стоял рядом и беспрестанно сопел, как будто у него нос забит выделениями. Ну да, осень же. Сейчас половина Академии с соплями ходит. Скоро полезут с просьбами подлечить. А что? Халявных волхвов сорок человек. Столько молодых одаренных боевых магов учатся на отдельном факультете под патронажем Коллегии иерархов. Вот пусть и лечат. Да еще зима длинная, сырая, с колким снегом с балтийских просторов.

Но Васька-то с трудом сдерживал сейчас смех от происходящего, болван. Вот и хрюкает, делая вид, что нос забит.

Академия находилась не в самом Петербурге, а в районе Невской губы, возле поселка Лисичье, и занимала вполне себе приличную площадь. Около десятка зданий, включая администрацию, жилые казармы, столовую, Полигон, огромный плац, тренажерные залы. К этому добавлялся обширный парк, примыкавший северным крылом к деревне Средние Дубки, он был огорожен высоким кованым забором, чтобы не нарушать казенными серыми бетонными стенами красоту рощ и перелесков. Но в большей мере забор являлся границей Академии, и через него мог пролезть любой курсант, но никто себя дураком не считал. По периметру забора стояли магические «сигналки», считывавшие любое движение, а к ним в помощь добавили десятки камер. Убежать в самоволку было невозможно, но курсантов технологические и магические препятствия не пугали. Ушлые ребята нашли мертвые зоны и частенько срывались в Средние Дубки на танцы, дружить с местными девчатами, ну и подраться, конечно. Деревня была большой, на сто с лишним хозяйских дворов. Беспокойное соседство для администрации ВВА. Даже Лисичье так не донимало, как дубковская проблема. Там хотя бы моряки стояли, база береговой охраны и служба маяка. Зачем туда курсантам наведываться? В Средних Дубках соблазнов было больше. Да просто девчонки из простых семей всегда пользовались моментом, чтобы зацепиться за шанс выйти замуж за будущего офицера. А это прямой путь в элиту, в дворянство. Поэтому деревенские парни и бесились, когда видели ладных подтянутых курсантов на улицах или возле двухэтажного местного клуба, в котором расположились парикмахерская, магазины, кинозал – внизу, а второй этаж был отдан под различные увеселительные мероприятия вроде танцев. Там же находилось и кафе.

От Академии по хорошей асфальтированной дороге можно было доехать до столицы на такси или на междугороднем автобусе, а если хотелось побыстрее – на электричке. Железная дорога как раз проходила через Средние Дубки.

– Я вынужден поставить в вашем учебном досье неприятный для вас минус: неумение без силы ориентироваться на поиск пропавших людей, – с некоторой долей сожаления произнес Михалюк, приподнимая над столом одну из папок. – Учиться вам, курсант Назаров, еще прилично. Надеюсь, вы сможете извлечь из ошибок пользу. Курсант Елагин! Ведите отделение в казарму. Через двадцать пять минут – построение на обед.

– Да не расстраивайся ты так, – после обеда курсанты получили три часа личного времени перед вечерними занятиями и тренингами, за исключением тех, кто собирался в наряд и

сейчас ложился спать, и большинство собралось в курилке напротив жилой казармы. Никита, так и не приобщившийся к сигаретам, никогда не игнорировал такие посиделки. Надо быть поближе к коллективу, считал он, а дым – всего лишь досадное приложение к сближению. Здесь знакомились, обсуждали проблемы, обзаводились товарищами и друзьями.

Успокаивал волхва Семен Рогов, высокий красивый парень с пронзительными голубыми глазами. Такой же светловолосый, как и Блонда, но с небольшим пшеничным оттенком, с волевым кельтским подбородком и точеным носом, Семен мог в будущем свести всех местных девушек с ума.

– Подумаешь, просвистел задание. Все волхвы говорят, что такая вводная никогда не выполнялась. Хрень придумали, вот и пытаются вас смутить, заставить дергаться и делать ошибки.

– Да я и не замораживаюсь особо, – усмехнулся Никита, сидя неподалеку от Елагина, который молча курил и пускал дым в землю. – Не доказывать же инструктору очевидные вещи. И так много сказал.

– Это про сенсорику? – хохотнул Семен.

– Да и про него тоже. В реальном бою любая блокировка взламывается или обходится с помощью давно разработанных методик. Каждый волхв имеет несколько плетений на этот случай, – с горячностью сказал Никита. – Думаете, никто из Коллегии не знает этого факта? Зачем тогда забивают нам головы ненужной хренью?

– Твоим старшим коллегам виднее, – осторожно произнес Елагин и обернулся. Часть некурящих сидели в соседней беседке, и среди них был Васька Бертенев. Вроде не слышал. – Ты поменьше свои мысли озвучивай, Никита. Даже в Академии болтунов хватает. Они за пару баллов благонадежности готовы сдать тебя с потрохами.

– Расстреляют его, что ли? – воскликнул Семен.

– Нет, – возразил командир отделения. – У нас так много курсантов-волхвов, тянущих на восьмой ранг? По головке погладят, ага. Ты, Никита, поменьше свои взгляды на методики боевой магии прилюдно обсуждай. Неприятностей всегда успеешь нахватать и без этого. Здесь даже среди преподавателей грызня идет. Людям по сорок-пятьдесят лет, а они только-только к восьмому и девятому рангу подошли. И тут Назаров. Выскачка, типа... Тебя сейчас со всех сторон подставлять начнут.

– Ладно, последую твоему совету, – хлопнул по плечу Елагина Никита и, сделав рукой прощальный салют, пошел в казарму. Пока есть время – лучше заняться своими делами. Почту посмотреть, например. Вдруг Тамара соизволила написать какое-нибудь послание? Каждый день он ожидал этого события, но с момента приезда Никиты в Петербург прошло уже два месяца, а она ни разу не вышла на связь. Константин Михайлович обещал передать дочери сетевой адрес и номер нового телефона Никиты, а воз и ныне там. Что могло произойти? Узнала от своего отца об изменениях в личной жизни молодого волхва, обиделась, что сам не позвонил? А он звонил, только автоматический голос предупреждал: данный номер изъят из обращения. Вот это больше всего и напрягало.

Поднявшись на второй этаж, зашел в кубрик, где проживал вместе с отделением Ромки Елагина, скинул сапоги и китель, запихал ноги в тапочки и потопал в душевую. Котельная Академии только-только начала отопительный сезон, и поэтому в гулком, обложенном светло-голубым кафелем помещении было прохладно. Воздух еще не нагрелся толком. Включив на полную мощность горячую воду, прогрел паром кабинку, потом отрегулировал напор и температуру. Долго стоял, отмокая и раздумывая над поведением Михалюка. Действительно ли он способен питаться потоками энергии от других людей с даром? Не любил Никита такого отношения к своим способностям. Если не можешь подпитываться из насыщенного мощью Космоса пространства, зачем вообще идешь на получение высокого ранга? Точнее, зачем используешь свою силу? Чтобы искать доноров-лохов? Таких, кстати, тоже хватает. Они даже не понимают

истинную причину потери своей энергетики. Михалюк как инструктор устраивал Никиту, но мелкие несуразности в его поведении, которые он старался тщательно скрыть, напрягали. Или в нем говорит обыкновенная зависть?

После душа он направился в каптерку и получил свой планшет. В Академии каждый курсант обеспечивался электронным помощником для самостоятельных заданий. Занятия в корпусах велись по обычным учебникам, но они там и оставались. На форзацах книг стояли лиловые штампы «для служебного пользования», и в казарму их нельзя было брать. Планшеты устраняли пробел в обучении. Они были загружены учебными пособиями по самую маковку. Но даже в таком случае существовали ограничения: электроника хранилась у старшины роты Волошина и выдавались под роспись по требованию курсанта. Но даже в этом случае планшет был удобен во всех отношениях. Администрация разрешила устанавливать на них сетевую почту. Наивных дурачков в таком щепетильном вопросе не было. Каждый знал, что поток информации проходит шифровку и дешифровку через специальный сервер, и письма, отправлявшиеся из Академии, проверялись выборочно, но часто. Курсанты ворчали по поводу тайны переписки, но понимали необходимость жесткого контроля. Главное, чтобы не происходило утечек. Ведь как-никак Академия готовила офицеров для штабной работы, которые после определенной выслуги могли работать в Генеральном Штабе. Каждый курсант являлся потенциальным носителем тайны. Волхвы-контролеры постоянно проверяли специалистов серверной на предмет разглашения личных данных курсантов. Но здравомыслящие офицеры Академии понимали, что утечка все равно происходит. Маленькие ручейки находят лазейку и утекают на волю через бетонную плотину, а здесь – человек с его вечно длинным языком. Плюс к этому – контакты с гражданскими происходят в любом случае.

Уединившись в комнате самоподготовки, Никита включил планшет, проверил заряд батареи, убедившись, что еще пару дней можно не заряжать, и стал ждать, когда загрузится система. Потом с замиранием сердца щелкнул по иконке с конвертом, вошел через пароль в почту. Чего-то подобного он, конечно, ждал. Кроме письма из Коммерческого Столичного Банка ничего не было. Да и в нем интересного мало: всего лишь уведомление о некоторых приходных и расходных операциях. Быть богатым и видеть, как твои капиталы увеличиваются, приятно любому человеку. Еще приятнее, когда знаешь, что можешь ими управлять. Спасибо прадеду, все устроил в лучшем виде. Личный временный счет на несколько сотен тысяч рублей Никиту пока устраивал, а вот другой, основной – пока недоступен ввиду несовершеннолетия. Ну да ладно, недолго осталось ждать. А вот Тамара, вероятно, забыла о его существовании?

Никита решил. В ближайшие выходные он берет увольнительную и едет в Петербург. Вспомнилось, что князь Константин Михайлович обронил тогда в машине, что Тамара учится в Экономическом университете. Значит, там ее и надо ловить. Поговорить наедине, все выяснить. Невозможно просто так взять и забыть о человеке, который – на минуточку – спас тебя от реальной опасности. Для девушки ее калибра недопустимое поведение. Где элементарная благодарность и угощение чашечкой кофе?

Ночью усилился ветер с Балтики. Он пригнал откуда-то тяжелые дождевые тучи, закрывшие поблекший серп молодой луны, и легко, без натуги, стал раскачивать тяжелые кроны деревьев, окружавших и Лисичье, и Средние Дубки, и другие мелкие поселки, вытянувшиеся вдоль берега, срывая с веток остатки пожухлых от заморозков листьев. Кое-где они продолжали сопротивляться наглому вторжению бесшабашного и наглого гостя, но их время все равно подходило к концу. Рано или поздно листья покинут свои ветви и лягут плотным ковром на землю, покроются снегом и к весне сгниют, удобряя почву.

Курсантов после завтрака привлекли к уборке территории. Шторм хорошо повеселился в лесопарковой зоне, поломав часть деревьев. Обломанные ветки захлестили южный угол парка, и теперь туда согнали большую часть людей, в основном первокурсников, чтобы привести в

порядок территорию. Никита привычно влился в отделение Елагина и согласно распределению шел вдоль забора, стаскивая в одну большую кучу все, что нападало за ночь на землю. Где-то ревели бензопила, разрезая особо большие ветви пополам, чтобы легче потом грузить на машину.

Так уж получилось, что Никита оказался в паре с Блондой. Васька беспрестанно шмыгал носом, периодически прикладывая к нему перчатку. Вскоре там образовались грязные разводы, похожие на усы, но Бертеневу на такой макияж было наплевать. Так и ходил, веселя курсантов. Они вдвоем удалились далеко от основной группы, и, как заметил Никита, хлама здесь оказалось меньше. Бертенев от безделья стал пинать листья, а потом вдруг спросил:

– Назаров, а это правда, что твой дед – бывший офицер Генштаба из «магического отдела»?

– Не дед, а прадед. А так – правда, – Никита пожал плечами. – Назаров Анатолий Архипович. Тебя что-то заинтересовало?

– Говорят, он часто с великим князем Константином Михайловичем встречается.

– Ну, здесь ничего необычного нет, – недоумевал Никита. Станный разговор.

– Ты же знаешь, как зовут твоего деда в столице?

– Меня это совершенно не волнует.

– Вологодский отшельник, – не обращая внимания на нежелание волхва слушать сплетни бездельничающих аристо, ответил Васька. – До твоего появления в Академии он вообще в Петербурге не светился. Заперся в своем имении – сетями не вытащишь. И вдруг зачастил, и не к тебе, а к великому князю.

– Что за интерес в этой информации? – усмехнулся Никита.

Васька с вороватым видом оглянулся, чтобы поглядеть, не стоит ли рядом кто-то лишний в их разговоре. Все были заняты работой, потому что хотелось побыстрее закончить нудную уборку и вернуться в теплые помещения.

– Поговаривают, за тебя хотят словечко замолвить. Не знаю, чем ты приглянулся Константину Михайловичу и какие такие отношения появились, но это так. Повезло тебе. Не отказывайся от помощи.

– Так я же его родственник, вполне понятно стремление деда помочь. Ты разве не знал?

– Да все знают, что ты приходишься ему дальним родственником! Он же тебе неродной! – махнул рукой Васька. – Прямых-то у него не осталось, теперь ищет, на кого скинуть все наследство и активы. А ты, как сирота, идеально подходишь. За тобой никого нет, и все перейдет к тебе в полном объеме.

Вот как? Неужели Меньшиков специально пустил слух, что Никита является преемником старшего Назарова, но не раскрыл основную тайну? Что опять за игры начались?

– А я при чем? – насторожился волхв.

Васька заулыбался. У него, кажется, был ответ.

– Чудак человек! Если старик объявит тебя прямым наследником – станешь богачом! Представляешь, какими капиталами заправляет патриарх? Думаю, не зря великий князь Константин пошел с ним на сближение. Хороший кусок перепадет тебе!

– Завидуешь?

– Да было бы чему! – беспечно махнул рукой Васька. – Солидный счет в банке открывает все двери в аристократическом обществе. Это я тебе говорю, чтобы зубами не щелкал, а сразу своими привилегиями воспользовался.

– Это-то я понимаю, – Никита сделал вид, что сказанное Блондой его интересует чрезвычайно. – А тебе какая радость? За меня переживаешь? Весь цветешь и пахнешь. Даже сопли текут ручьем.

– Это я простыл, – смутился Васька Бертенев и снова провел перчаткой под носом. Потом подхватил найденный обломанный сук и потащил его к общей куче, в которую скидывали

весь мусор. Позже подойдет машина, все заберет. И на ходу пояснил: – У меня среди старших курсантов есть знакомые ребята, они спрашивали про тебя. Ты же «прикладник», не меньше. Хотят познакомиться. Обычно в ВВА выпускники не обращают внимание на новичков, ну, если изредка... Так что цени.

– Ценю, – честно признался Никита, шагая рядом с Васькой. Руки были заняты охапкой сломанных веток, а нос нестерпимо зудел. Простуда добралась и до него. Теперь самому придется от соплей лечиться. Что за погода? Сырость, ветер, и солнце светит через раз сквозь рваные прорехи низких облаков. – А зачем я им?

– На будущее, – Блонда покачал головой, расслышав насмешку в голосе Никиты. Ведь выпускники ВВА разъедутся по империи, займут руководящие посты в штабах, а связи, которые остались после учебы, помогут в дальнейшей жизни. Если бы его, Ваську Бертеневу, пригласили знакомиться, да он первый прибежал бы пожать руки этим ребятам. Здесь же учатся отпрыски лучших родов России, за ними несокрушимая стена кланов; связи настолько переплетены, что не знаешь, где они начинаются с дружбы, а где заканчиваются брачными узами.

– Ладно, – Никита не стал кочевряжиться, точно просчитав недовольство Блонды. Он не забыл клятву создать новый клан, в который войдут лучшие люди, преданные ему. Для успешного функционирования нужны связи, как можно больше знакомств. Заодно посмотрит, кто раньше него займет штабные места, начиная с Петербурга и заканчивая Владивостоком. Многие, конечно, останутся в столице, пристроенные по рекомендациям в лучшие армейские подразделения. Войны вроде бы не предвидится в ближайшем будущем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.